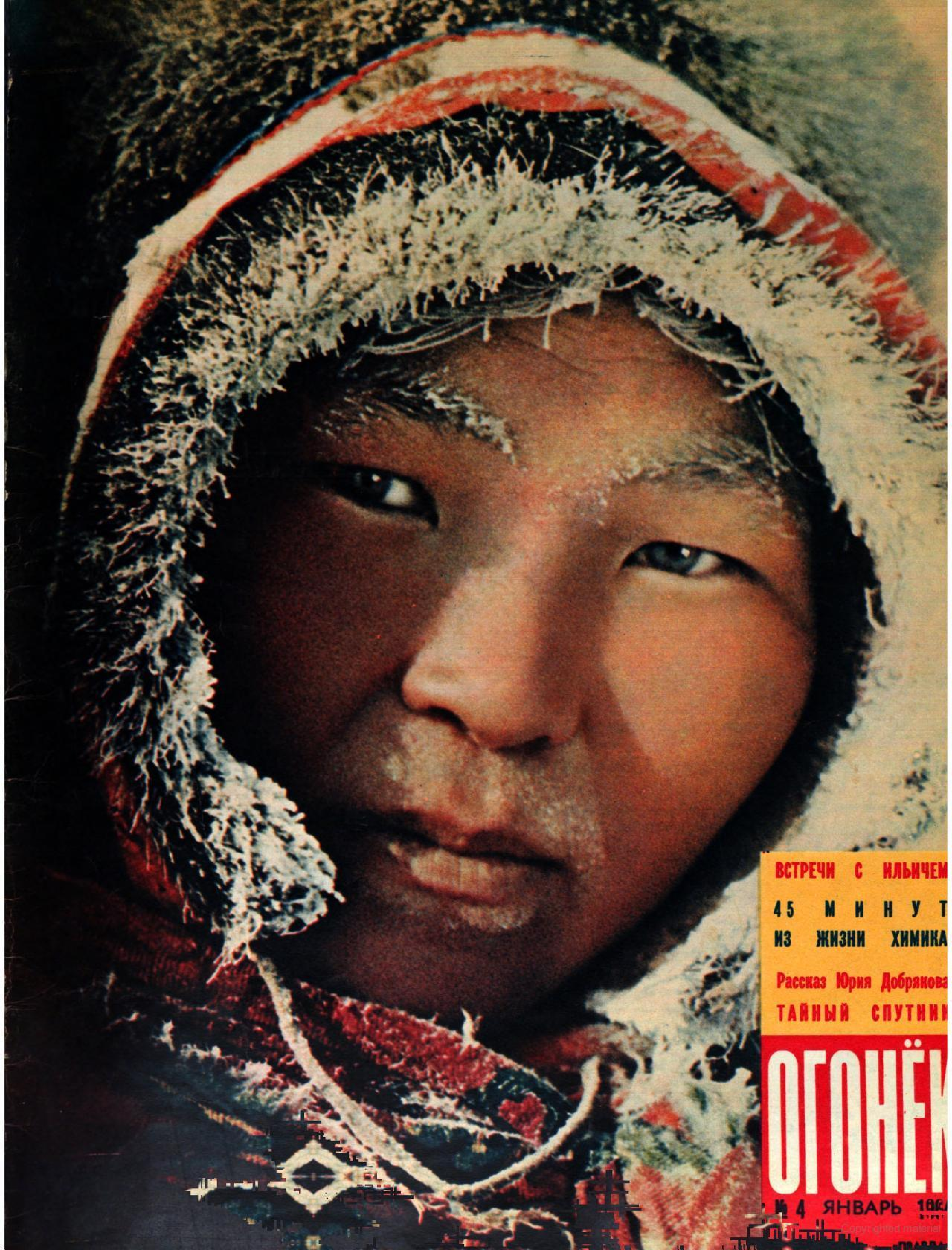

ВСТРЕЧИ С ИЛЬИЧЕМ
45 МИНУТ ИЗ ЖИЗНИ ХИМИКА
Рассказ Юрия Добрякова
ТАЙНЫЙ СПУТНИК
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ

Беспокойна работа пастухов-оленеводов.

Молодые специалисты Мария Слепцова, Колымана Колесова, Анна Петрова и Галина Галайская.

В оленье стадо прилетел самолет.

Якутские пионеры исполняют танец оленей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 4 (1909)

19 ЯНВАРЯ 1964

Наташа Ходьяло.

В Халларчинской тундре

Если вы побываете в Якутском дворце пионеров и зайдете на занятия хореографического кружка, вам обязательно покажут танец оленей.

По сцене то стремительно скачут, то плавно плывут тоненькие, гибкие девчонки, их руки с растопыренными пальцами похожи на ветвистые оленьи рога. Этот старинный народный танец пришел сюда из далекой белой тундры. Если вы попадете и туда, то, наверно, встретите девушку-чукчу Наташу Ходьяло.

Она, конечно, тоже искусна в этом танце, но исполняет его разве только по праздникам. А в будни у нее много забот: на ее попечении трехтысячное стадо быстроногих оленей. Правда, она не одна — в бригаде работают еще четыре оленевода, и дел у всех хоть отбавляй. Зима в Халларчинской тундре, раскинувшейся у берегов Ледовитого океана, долгая, суровая, и нужно найти лучшие пастбища, чтобы оленю легче было докопаться до ягеля. А летом свои трудности: борьба с комаром, выхаживание маленьких оленят.

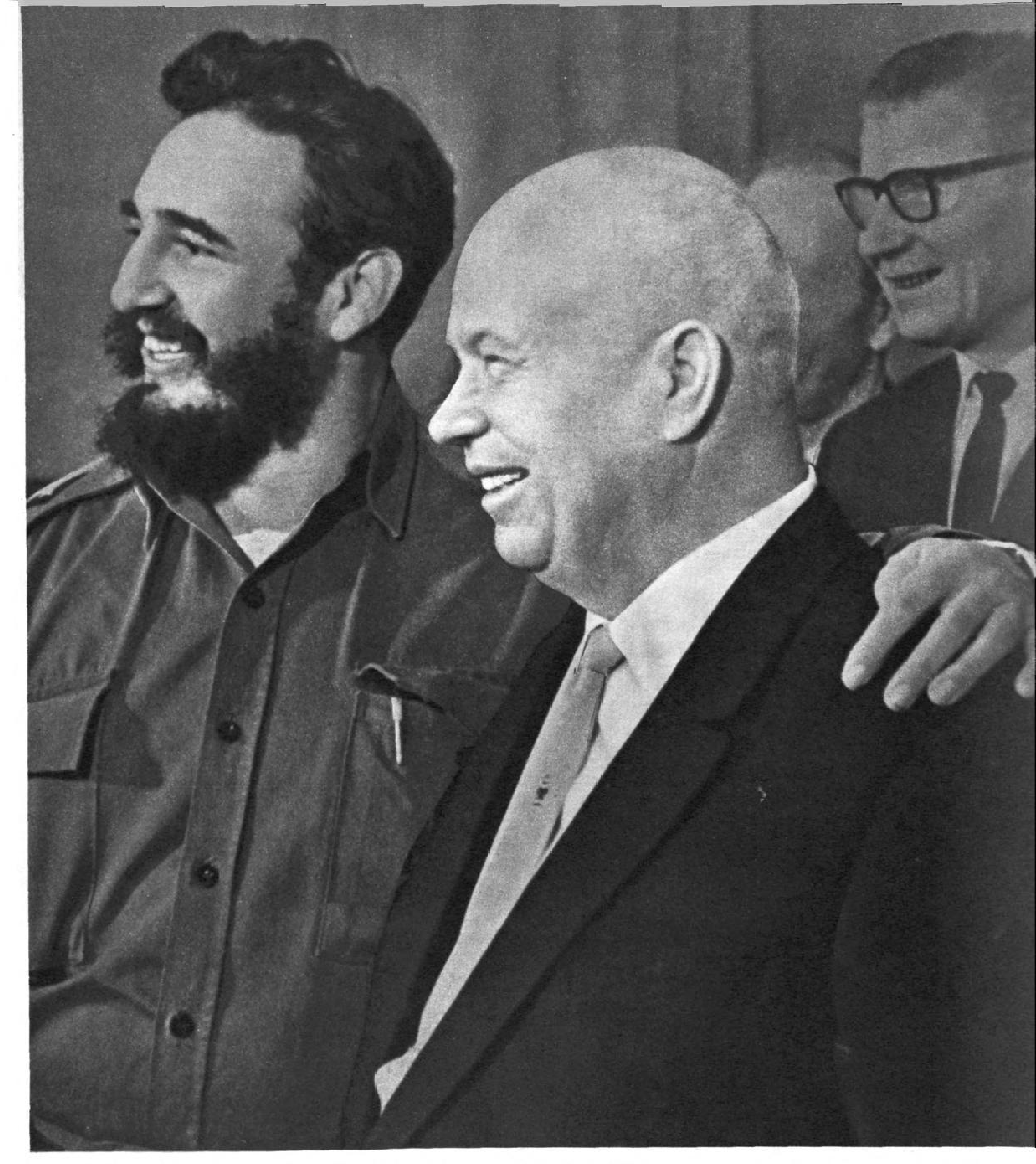
Много сил приходится приложить Наташе, чтобы сберечь малышей, зато и результат хороший: из каждой сотни девяносто восемь вырастают крепкими и здоровыми.

Велика тундра, но оленеводы не чувствуют здесь себя одинокими и затерянными: радио и авиация сократили расстояния. Пришла сюда наука, помогла многое понять, изменить к пользе человека. Среди специалистов-оленеводов много женщин. На одном из совещаний передовиков оленеводства Якутии сидели рядышком четыре девушки: Мария Слепцова, главный зоотехник совхоза; Колымана Колесова, главный ветврач; Анна Петрова, старший зоотехник сельскохозяйственных управлений; Галина Галайская, ветврач районной ветеринарно-бактериологической лаборатории.

Так же, как Наташа Ходьяло, они много времени проводят в тундре, помогая успешно развивать одну из важнейших отраслей хозяйства Якутской республики.

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОРОГИЕ КУБИНСКИЕ ДРУЗЬЯ!

В Советский Союз по приглашению Н. С. Хрущева прибыл дорогой гость — Первый секретарь Национального руководства Единой партии социалистической революции, Премьер-Министр Фидель Кастро Рус. Вместе с Фиделем Кастро на родину вернулась советская делегация во главе с товарищем Н. В. Подгорным, которая принимала участие в праздновании пятой годовщины кубинской революции.

Радостно и сердечно встретили Фиделя Кастро и его товарищей руководители КПСС и Советского правительства, весь братский народ великого Советского Союза.

«Хотя Куба и Советский Союз находятся в разных полушариях и расстояние между ними измеряется тысячами километров,— сказал при встрече кубинских друзей Н. С. Хрущев,— наши народы идут одним, ленинским путем в общем строю социалистических государств».

Встреча в Москве, на Внуковском аэродроме.

Фидель Кастро Рус возлагает венок к Мавзолею В. И. Ленина.

ДНИ УДАРНОЙ ВАХТЫ

10 февраля нынешнего года будет созван очередной Пленум Центрального Комитета КПСС. Пленум будет обсуждать вопрос: «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции».

Весь наш народ с большим удовлетворением встретил сообщение о созыве Пленума, посвященного проблемам дальнейшего развития сельского хозяйства. Это сообщение вызвало новый подъем творческого энтузиазма у советских людей.

Труженики города и деревни стали на ударную вахту, готовясь достойно встретить Пленум ЦК КПСС.

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ. Почти сорок лет трудится заслуженный агроном РСФСР Анна Николаевна Скалозубова. Хлеборобам области хорошо известно ее имя: ведь это она вывела замечательный сорт пшеницы «скала», широко распространенной теперь на полях Сибири.

Сейчас Анна Николаевна возглавляет отдел селекции и семеноводства Северо-Кулундинской опытной станции по изучению и освоению засоленных земель. Человек она немолодой, но годы ей словно нипочем. Целыми днями хлопочет селекционер то в лаборатории, придирчиво, по зернышку, отбирая материал для будущих урожайных сортов пшеницы, то в поле, где будут закладываться ее опыты.

В области — десятки тысяч гектаров солонцов. Есть земли, где ничего почти не растет. Хлеборобы не могут больше мириться с тем, что огромные земельные массивы не приносят никакой пользы людям. Солонцам должна быть возвращена жизнь. Это задача ученых.

А. Н. Скалозубова работает над подбором таких сортов пшеницы, которые бы и в трудных условиях Кулунды давали высокие урожаи.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Н. С. Хрущев и Фидель Кастро на детском празднике в Тайницком саду Кремля.

И земледельцы верят: талантливый селекционер-опытник добьется успеха.

Фото А. Задунова.

ВОЛЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, УКРАИНСКОЙ ССР

Агрохимические школы организованы почти во всех колхозах области. Земляробы знают: чтобы осенью собрать хороший урожай, нужно хорошо потрудиться зимой. Потрудиться и поучиться: интенсивное ведение хозяйства требует нового, высокого уровня знаний.

На Волыни в агрохимических школах занимаются полеводы и животноводы, механизаторы и звеньевые, бригадиры и рядовые колхозники. А преподают здесь специалисты агрохимии, учителя местных школ.

На нашем снимке вы видите, как преподаватель химии А. А. Чернышева ведет урок в агрохимической школе колхоза «Дружба» Ковельского производственного управления.

Фото Г. Сажнева. ТАСС.

Интервью «Огонька»

ПРЕЗИДЕНТ ШЕРФ: «ПЕРСПЕКТИВЫ МИРА УЛУЧШАЮТСЯ»

Федеральный президент Австрийской республики доктор Адольф Шерф.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к выдающемуся государственному деятелю Австрии, федеральному президенту Австрийской республики доктору Адольфу Шерфу с рядом вопросов. Ниже публикуем вопросы «Огонька» и ответы президента, полученные по телеграфу из Вены.

— Господин президент, каково Ваше мнение о перспективах сохранения мира и улучшения взаимопонимания между народами в наступившем 1964 году?

— Перспективы на 1964 год в отношении сохранения мира и взаимопонимания между народами кажутся мне в свете развития мировой политики за прошлый год лучше, чем они были в начале 1963 года.

— Как Вы оцениваете, господин президент, предложения об отказе от применения силы при решении территориальных проблем, содержащиеся в Послании Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева главам государств (правительств) стран мира?

— Австрия присоединяется к принципу, согласно которому территориальные разногласия и все другие спорные межгосударственные вопросы должны решаться не путем применения силы, а мирными средствами.

— Что бы Вы могли сказать, господин президент, об отношениях между нашими двумя странами?

— Отношения между Австрией и Советским Союзом дружественные. Я убежден, что они останутся хорошими.

Ким БАКШИ

Фото А. УЗЛЯНА.

Позвольте открыть заседание нашего Ученого совета. Первый вопрос — защита докторской диссертации Ириной Петровной Белецкой.

...Аудитория амфитеатром спускается к длинному столу. Головы, головы, необычно много народа сегодня. Внизу — академики П. А. Ребиндер, А. Н. Несмеянов, А. Н. Фрумкин. У стола — декан химического факультета И. Ф. Луценко. Он ведет заседание.

Рядом со мной сидит Володя; он химик, кандидат наук. Он считает, что ожидается очень интересная защита. За Володей — веселая, румяная Мая Золкина. Она инженер-конструктор. Пришла болеть за Иришку.

— Ирина Петровна, все оппоненты на месте?

— Все.

— Нет возражений против повестки дня? — Иван Фомич Луценко чуть заметно улыбнулся.— Тогда начнем со второго вопроса.

Аудитория шумит, смеется. Шутку оценили, к тому же все правильно: пусть самое важное будет напоследок.

Ирина Белецкая сидит в углу. Одна. Ирина черноволосая, темноглазая, в строгом черном костюме. Лицо бледное. Руки сцеплены, сжаты на коленях. Она кажется затерянной в этой огромной аудитории. Одна перед большим жизненным экзаменом. О чем она думает?

— Ирина Петровна Белецкая, национальность — белоруска, беспартийная, год рождения — 1933-й...

...Почему никто не шумит? Не удивляется? Тридцать лет. Женщина. Защищает докторскую. Может быть, все раньше знали, сколько ей лет? Или, может, привыкли?

Тридцатилетние доктора-физики в Дубне открывают новые частицы, в Новосибирске ищут антивещество, тридцатипятилетний профессор Меркулов работает над проблемой долголетия. Да мало ли тех, к кому в последние годы пришла ранняя научная зрелость! И здесь нельзя все объяснить талантом. Есть причины более глубокие, общественные. Они в самой нашей жизни, в ее сердцевине.

— Изучение механизмов электрофильного и гомолитического замещения на ртутно-органических соединениях показало, что...

Ирина стоит у огромных таблиц. Она говорит энергично, напористо. У нее 45 минут. Всего три четверти часа, в которые нужно вместить суть диссертации. 45 минут дается всем, кто защищает докторскую.

На демонстрационном столе перед Ириной нет пластмасс, смол. Вообще нет никаких образцов. Только толстый том — диссертация — и тоненькая брошюра на нем — автореферат. Ирина — теоретик. Она не синтезирует новые вещества, не разрабатывает технологические схемы. В своей области — органической химии — она пытается заглянуть в самое существо химической реакции. Понять, как она происходит, как влияют на ее ход структура вещества, среда и еще многие причины. Очень важно понять все это, чтобы затем сознательно управлять механизмом химической реакции. Стать ее хозяином.

...В аудитории зашумели, зашептались. Посыпались вопросы. Ирина слушает, схватывает суть вопроса, улыбнулась, отвечает. Слово берут строгие оппоненты — члены-корреспонденты АН СССР — Р. Х. Фрейдлина и Н. М. Эмануэль, доктор химических наук М. Г. Гоникберг. Ирина полемизирует. Она не во всем согласна с видными авторитетами. Нет, это совсем не напоминает парадное восхождение на научный Олимп. Это защита диссер-

45 ми

◀ Итак, механизм электрофильного и гомолитического замещения...

тации. Защита. Спор, в котором обе стороны заинтересованы в одном — в истине.

— Я бесконечно благодарна факультету и тем людям, которые помогали мне...

Ирина говорит, высоко подняв голову, как бы заглядывая в лица людей, сидящих на самых дальних, самых высоких рядах обширной аудитории. В окна виден светящийся университет.

Идет голосование. Сейчас решится ее судьба. Сколько будет белых шаров, сколько черных? Впрочем, никаких шаров нет. Так говорят по традиции. Есть бюллетени, и в них слова: «Согласен», «Не согласен».

Ирина сидит и ждет. Сейчас возвратится счетная комиссия. Вот она! Иван Фомич Луценко читает протокол. Все согласны.

Ирину окружают. Тормошат, обнимают. А где же строгие оппоненты? Они тут же. Улыбаются и жмут руку молодому доктору химических наук.

Веселые, смеющиеся люди медленно движутся мимо таблиц, формул, графиков.

— А до декана вы когда-нибудь дойдете?— К Ирине пробирается Иван Фомич Луценко.

нут и 30 лет

— Молодец, Иришка!

Недавно «Огонек» получил письмо из Ленинграда:

Дорогая редакция!

Несколько дней назад мы ходили на экскурсию в Петропавловскую крепость. Времени было мало, мы очень торопились, а теперь жалеем, потому что, наверное, прошли мимо массы интересных вещей.

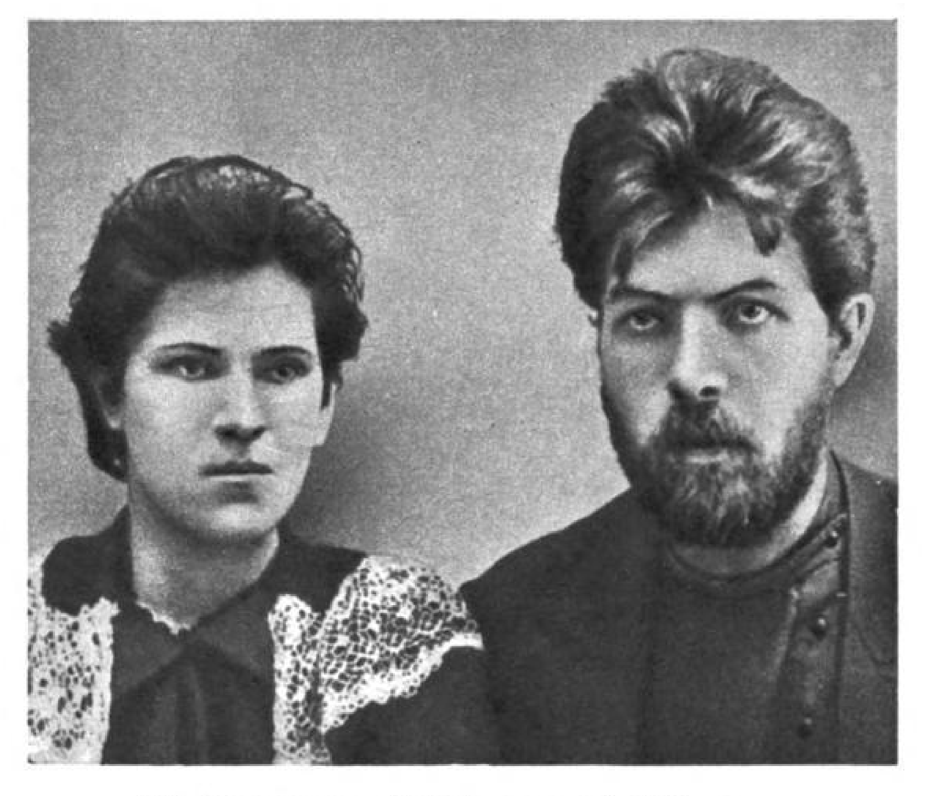
Мне запомнилось, что на одной камере была табличка: в этой камере сидел в заключении революционер Лепешинский. Экскурсовод очень коротко рассказал о нем, о его жене Ольге Борисовне, об их встречах с Владимиром Ильичем Лениным. Не так давно Ольга Борисовна умерла, а мне очень хочется побольше узнать об этой семье, о том, как прошла молодость двух этих людей.

Дорогая редакция! Если можно, попросите кого-нибудь из близко знавших Лепешинских рассказать о них. Мне кажется, что об этом интересно и полезно будет прочитать не только мне.

Владимир Шаров,
рабочий Кировского завода.

Ленинград.

С этим письмом редакция познакомила ветерана нашей партии Федора Николаевича Петрова. Федор Николаевич рассказал, что незадолго до смерти у Ольги Борисовны Лепешинской побывал его помощник журналист Захар Двойрис и записал ее воспоминания, которые старая большевичка адресовала к молодежи. Федор Николаевич посоветовал напечатать их в журнале. Это и будет лучшим ответом на вопрос читателя из Ленинграда.

О. Б. Лепешинская и П. Н. Лепешинский. 1896 год.

МОЛОД

* * *

Много прошло перед моими глазами, многое сохранилось в памяти. Почти целое столетие. Разве расскажешь обо всем? Молодежи, наверное, интересно знать, какой была молодость моего поколения. Об этом я и расскажу. О нескольких событиях, о нескольких встречах...

Сражение в Лесном

Что такое классовый враг, я знала не только теоретически. Мои родители — Протопоповы — были из тех, чье состояние не ограничивалось фамильным серебром или особняком, построенным прадедом. Вовсе нет. Были у нашей семьи и доходные дома, и поместья, и шахты, и пароходы. Я знала и тех, чьим каторжным трудом составлялось наше семейное миллионное состояние. Разрыв с семьей не был с моей стороны каким-то сумасбродством; это был обдуманный и выстраданный шаг. И не сделать его я не могла.

Я уехала в Петербург и поступила там на курсы, готовившие лекарских помощников. После роскоши — нищета, тысячи житейских трудностей, которых до той поры я не ведала. Но ни разу я не усомнилась в правильности своего решения. Вскоре я уже была членом одного из марксистских кружков, проводила ночи над запрещенными книжками, участвовала в диспутах. Как и у многих других, моим кумиром стал Петр Струве, глава легальных марксистов. Я считала его настоящим революционером. Его статьи и речи приводили меня в восторг.

Однажды — это было в 1894 году — меня пригласили на нелегальную вечеринку. Вечеринка была непростая: там должен был выступать сам Струве. И он действительно выступал, и я с благоговением ловила каждое его слово.

Вечеринка проходила в Лесном (тогда — пригород Петербурга). Она, казалось бы, ничем не отличалась внешне от других, на которых я была раньше. И Струве был, как всегда, великолепен.

Окончание его речи мы встретили аплодисментами, долго не могли успокоиться. И вдруг, перекрывая восторженный шепот, раздался незнакомый голос. Я обернулась назад и увидела невысокого человека с большим лбом и острыми глазами. Этот молодой человек обрушился на нашего кумира, причем он не спорил с ним о частностях, а доказывал, что Струве защищает интересы буржуазии и его речи ничего общего с революционностью и марксизмом не имеют.

По комнате катилась волна чуть слышного шепота: «Ульянов. Его фамилия Ульянов. Адвокат...»

А невысокий человек продолжал гневную атаку на то, что мы считали своей святыней:

— Если ваша мысль будет идти и дальше в этом направлении, то меня нисколько не удивит встреча с вами когда-нибудь по разные стороны баррикады!

Чем дольше говорил он, тем внимательнее я его слушала. Я чувствовала, что среди присутствующих уже наметился раскол. Когда Ульянов закончил свою речь, у него уже были сторонники.

Для многих, кто был тогда на вечеринке в Лесном, этот день стал поворотным. Во всяком случае, для меня он был именно таким.

Невеста

Декабрь 1895 года. Мои друзья в тюрьме. Что будет дальше? Конечно, борьба. Даже если наши лучшие товарищи за решеткой. Но необходимо установить с ними связь.

В тюремных правилах была одна забавная деталь. К заключенным могли приходить на свидание не только близкие родственники, но еще и невесты. Тогда-то и была организована целая группа «невест». К Ленину ходила Надя Крупская, к Кржижановскому — Невзорова, меня назначили невестой к Лепешинскому, хотя видела я его до той поры всего один раз.

Задание есть задание, его надо выполнять. Иду на свидание, а сама думаю: а вдруг он не поймет наш замысел да и, чего доброго, просто не узнает меня, тогда надзиратель догадается...

Нетрудно представить, каково было мое состояние, когда мой «жених» чуть ли не с порога спросил:

— Где мы с вами встречались?

К счастью, надзиратель, кажется, не расслышал этого вопроса. А Пантелеймон Николаевич моментально сообразил что к чему, и разговор пошел «семейный» по форме и политический по содержанию.

На свидание к «жениху» я приходила с корзиночкой, полной разной снеди, а уходила с узелком; в нем было грязное белье, и где-нибудь в самом незаметном шве спрятана записка на папиросной бумаге. Примерно такого же размера записку получал и мой «жених». Обычно она была в металлическом шарике, заменявшем косточку в вишнях.

Постепенно я неплохо вошла в роль невесты и чувствовала, что с каждым посещением мне требуется все меньше притворства для исполнения этой роли. Примерно то же самое случилось и с Пантелеймоном Николаевичем. Однажды он сделал мне подарок, и подарок для меня очень ценный. Когда он вручал его, то покраснел и сказал:

— Это я могу подарить только самому близкому человеку.

Он подарил первый том «Капитала» Карла Маркса. А когда мы прощались перед его отъездом в сибирскую ссылку, я сказала, что обязательно, непременно приеду туда к нему.

Так из фиктивной невесты я превратилась в самую настоящую.

День рождения Оли

В ссылке мы жили по соседству с Владимиром Ильичем. Он — в Шушенском, мы — в Ермаковском. Между нами всего-то километров тридцать. По сибирским масштабам это сущий пустяк, однако встречаться было нелегко. Обычно все наши встречи устраивались под предлогом чьего-либо дня рождения.

В конце апреля 1898 года Владимир Ильич получил разрешение пригласить ссыльных друзей, чтобы отпраздновать свое двадцативосьмилетие.

Мы приехали. В тот день Владимир Ильич рассказал нам, что состоялся первый съезд партии. Это было очень важно — Российская социал-демократическая рабочая партия была создана, и мы в далекой сибирской ссылке вступили в ее ряды.

Однажды Владимир Ильич сообщил, что нужно опять незамедлительно собраться всем вместе. Мы быстро прикинули, чей бы день рождения мог послужить очередным поводом для такого рода собрания. На этот раз выручила нас моя дочурка Оля: ее день рождения был ближайшим.

Владимир Ильич приехал взволнованный. Он получил от сестры программный документ оппортунистов-экономистов «Кредо», призывавший рабочих ограничиться лишь экономическими требованиями, а политическую борьбу перепоручить либералам. Ленин предложил написать протест от имени всех социал-демократов, отбывающих ссылку в Минусинском уезде.

Собрались в нашей квартире. Громко сказано — «квартира». Была просто большая комната в бре-

венчатом крестьянском доме. На столе — самовар, нехитрое угощение: как-никак день рождения. На стене — портрет Маркса работы Пантелеймона Николаевича.

Ленин обрушился на экономистов гневно и страстно. Он доказывал, что экономизм — болезнь очень опасная и что, если запустить ее, дать ей разрастись, она приведет к очень печальным для рабочего класса последствиям.

Резолюцию, которая известна под названием «Протест российских социал-демократов», мы принимали в доме, где жил Анатолий Ванеев. Он болел туберкулезом, дни его были уже сочтены, но он тоже хотел поставить свою подпись под протестом. Анатолий лежал на кровати, но тоже выступал. Он был сторонником решительных мер и доказывал, что резолюцию нужно написать в максимально резком тоне. Это было его последнее выступление.

Однако не все сразу одобрили проект резолюции, составленный Лениным. Не все еще понимали, какую опасность представляет позиция авторов «Кредо». Обсуждение проходило бурно. В конце концов резолюцию приняли единогласно.

Так мы отпраздновали день

ОСТЬ ЖИВА...

О. Б. ЛЕПЕШИНСКАЯ

рождения Оли, которая была участником всего этого исторического совещания.

Как мы отдыхали

В ссылке Владимир Ильич много работал. Гораздо больше нас. Приходилось только удивляться, как он успевает. Быть может, это объяснялось, кроме всего прочего, тем, что Ильич великолепно умел отдыхать и отдаваться отдыху с не меньшей страстью, чем работе.

Каждая наша встреча или собрание обычно заканчивались песнями. Ильич обожал хоровое пение. В нашем репертуаре были революционные и народные песни. Импровизированные концерты всегда заканчивались любимой песней Владимира Ильича «Смело, товарищи, в ногу...». Пел он самозабвенно, дирижировал, притопывал ногой, и видно было, что в эти моменты для него не существует ничего на свете, кроме песни.

В ссылке Ленин увлекался коньками. Я считалась в этой области большим знатоком, и он упросил меня давать ему уроки. Настоящим спортсменом в наше время считался тот, кто владел «голландским шагом», как тогда говорили. Владимир Ильич быстро освоил эту «голландскую» премудрость, и вскоре соревноваться с ним стало бесполезно: он выигрывал без труда и уже сам преподавал конькобежные азы шушенским мальчишкам, его большим друзьям и почитателям.

А с шахматными баталиями в ссылке связана масса любопытных историй. Лепешинский был большим любителем шахмат. И редкая наша встреча с Владимиром Ильичем проходила без дуэли за клетчатой доской. Ленин считал мужа достойным соперником, и оба они находили в этих поединках, видимо, большое удовольствие. Но не так-то уж часто случалась такая возможность. Однако выход был найден: матч-турнир по переписке, благо больших почтовых ограничений не было.

Каждое письмо, приходившее от Ленина из Шушенского, содержало очередной шахматный ход и сообщения далеко не спортивные, а чаще политические. Ильич писал, над чем работает, кого встречал, какие новости в России. Пантелеймон Николаевич, в свою очередь, вместе с шахматным ходом посылал коротенький отчет о наших делах.

Обычно победителем из всех очных и заочных шахматных боев выходил Ленин. И хотя Лепешинский считался неплохим шахматистом, одолеть Ильича не мог, даже когда тот давал ему фору в одну фигуру.

Кукла

Это случилось, когда мы уже жили в Пскове. Пантелеймон Николаевич работал статистиком в земском статистическом бюро и был агентом «Искры». Я помогала ему, вела всю шифрованную переписку с редакцией.

Однажды, когда Лепешинский был в служебной командировке, пришло письмо. Оказалось, что чемодан с номерами «Искры» оставлен в багажном отделении Выборга. Какая-то девушка, которой доверили этот драгоценный груз, видимо, испугалась таможенников. Финляндия считалась в то время российским владением, однако таможенный досмотр на старой финляндско-русской границе почему-то не отменяли.

Размышлять было нечего. Я поехала в Выборг. В багажном отделении предъявила квитанцию, которую незадачливая агентка, к счастью, не забыла вложить в письмо, и получила чемодан. Открыть его большого труда не представляло. Достаточно было чуть-чуть подергать замок. Чемодан был пуст. Прикинула его в руках — тяжелый. Не скажешь, что в нем ничего, кроме воздуха, нет. Эту хитрость разгадать тоже было нетрудно: чемодан с двойными стенками, между ними увесистые пачки газет.

Да, но если угадала я, точно так же могут догадаться таможенники. Значит, с пустым чемоданом ехать опасно. А чем его наполнить? Денег я с собой взяла мало.

Выручила вывеска «Булочная». Выборг славился кренделями. Крендель был традиционным гостинцем, который везли из этого города. Знаменитыми выборгскими кренделями я и набила чемодан. Опять прикинула: все равно тяжеловат. Купила еще один подарок — куклу дочке Оле. Ничего более страшного я, пожалуй, в жизни не видела: средних размеров мешок, набитый опилками, с тяжелыми глиняными руками, ногами и массивной головой. Дешево, и вес подходящий!

Подъехали к границе. Таможенники как назло попались уж слишком старательные: ковырялись в каждом чемодане. Свой я сняла с полки, поставила рядом, откинула крышку и сделала вид, будто решила закусить, принялась за крендель. Когда подошли таможенники, я и их угостила выборгским деликатесом. Один поблагодарил и взял крендель, другой сунулся было в чемодан, но, увидев глупейшую физиономию куклы, отошел.

Чемодан с «Искрой» я благополучно привезла домой. Кукла, как

В. И. Ленин. Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. Н. Лепешинский. Картина, написанная по наброску П. Н. Лепешинского.

ни странно, произвела громадное впечатление на дочь. Впрочем, ничего странного в этом не было: до той поры кукол дочери мы не дарили.

Когда Ленин узнал об этой истории из наших писем, он сказал одно только слово: «Отлично».

Персональный каземат

Началась подготовка к созыву Второго съезда партии. Осенью 1902 года у нас на псковской квартире несколько дней проходило совещание, которое избрало Организационный комитет и высказало свою полную поддержку «Искре». Все сошло хорошо, почти все делегаты разъехались по домам. Задержался только Радченко. Вскоре и он ушел на вокзал.

И вдруг поздней ночью стук в дверь. Громкий, нетерпеливый стук. Свои так не стучат. Значит, чужие.

Мы в это время, проводив последнего гостя, уложили спать Олю и принялись разбирать материалы только что закончившегося совещания. В комнате стоял неимоверный кавардак. В углу на полу кучей свалены книги, на столе — кипы протоколов совещания и другие документы...

Стук повторился. Еще более настойчивый и громкий.

Как быть? Быстро спрятали протоколы и документы в книги. Я открыла дверь. На пороге стояли жандармы.

О причине их ночного визита мы узнали позже. Жандармы выследили Радченко, при аресте обнаружили у него адрес Лепешинского и тут же нагрянули к нам.

Начался обыск. Мы понимали, что дела наши плохи. Не уйдут же незваные гости, не просмотрев книг! Протоколы совещания уже не спасти. Но был среди книг один листок... Когда я подумала, что через несколько минут жандармы будут его читать, мне стало страшно. В листке — полный список участников псковского совещания. Пантелеймон Николаевич, видимо, тоже в тот момент думал об этом листке. Едва жандармы приближались к книгам, он различными способами старался их отвлечь, выиграть время.

В один из таких моментов, когда Лепешинский вступил с жандармами в какие-то длинные пререкания, я быстро нагнулась, выхватила из книги листок со списком, скомкала его и зажала в кулаке. Никто не заметил этого. Но оставлять список у себя было опасно. Меня могли вместе с мужем увести в участок, там обыскать... Что тогда?

Жандармы начали осматривать книги, сразу, разумеется, наткнулись на протоколы совещания и, наверное, были довольны. Теперь угадать нашу судьбу было совсем нетрудно: опять за решетку. Неясно пока одно: арестуют только Лепешинского или заберут нас обоих? Что станет с Олечкой?

Оля, не подозревая, какие тучи сгустились над ее родителями, спокойно спала в своей кроватке. В комнате было холодно, поверх одеяла я накрыла ее шубкой. Когда Оля заворочалась во сне, я подошла к ней, поправила подушку и незаметно сунула листок в карман шубки. Так-то надежнее.

Жандармы, осмотрев книги, тоже направились к детской кроватке. Я преградила им дорогу.

— Ребенок тут ни при чем. Не имеете права трогать! Как вам не стыдно!

Жандармы остановились на минуту в нерешительности. Я взяла Олю из кроватки, завернула ее, спящую, в шубку и отошла в сторону.

— Можете искать революцию в детской кроватке.

Разумеется, в кроватке они ничего не нашли.

Остались мы одни с Олей. Жандармы увели Лепешинского, забрали с собой все материалы псковского совещания, многие другие документы и шахматные письма Владимира Ильича. Больше этих писем я так и не видела.

Пантелеймона Николаевича вскоре перевезли в Петербург. Он считался государственным преступником особой важности и потому удостоился одиночной камеры в Петропавловской крепости. Сейчас у входа в эту камеру — мемориальная доска с портретом мужа. А камера так и называется — каземат Лепешинского.

В этом персональном каземате Пантелеймона Николаевича продержали долгое время. Следствие затягивалось, Лепешинского решили еще до приговора суда отправить в Енисейскую губернию, а потом еще дальше — в Якутию. Мне было поручено устроить побег.

Я подала заявление — просила разрешить сопровождать мужа в ссылку. Мне ответили: «Пожалуйста, можете отправляться. Но только, как и все, по этапу».

Ну что ж, по этапу так по этапу. Процедура эта требовала некоторых «формальностей». Первая состояла в том, что меня тоже водворили в тюрьму, потом посадили в арестантский вагон, и опять через всю Россию мы отправились в Сибирь.

В Минусинске мне довольно легко удалось устроить Лепешинскому побег, а сама я осталась пока там. Мы договорились, что если все пройдет благополучно, то мне сообщат об этом телеграммой. Время ползло черепахой. Я объявила, что муж тяжело болен, и не пускала в дом надзирателя, который должен был регулярно навещать ссыльных, дабы убедиться, что они на месте и не занимаются ничем противозаконным. Жандармерия на этот раз явно сплоховала. Об исчезновении Лепешинского стало известно только через полмесяца.

Наконец пришла долгожданная телеграмма. Наверное, кто-нибудь из почтовых чиновников не сдержал улыбки, прочитав ее. Телеграмма действительно была забавная: «Почем рога маралов?» Это значило, что Лепешинский в Женеве. Вскоре там была и я.

* * *

Так прошла наша молодость. Тюрьмы, ссылки... Но я не жалею. Это были удивительно прекрасные годы, потому что посвятили мы их борьбе. Сейчас я еще больше люблю свою молодость. Мне, наверное, недолго уже осталось жить, — непривычно звучит: десятый десяток. Но моя юность, юность моего поколения революционеров, жива и будет жить. Новые и новые поколения молодых донесут эстафету нашей юности до коммунизма и когда-нибудь, на склоне лет, как и я, еще лучше, чем сейчас, поймут, как прекрасна была их молодость, и увидят, что она бессмертна.

Счастливого вам билета!

Известно по словарю: лотерея — это розыгрыш вещей или денежных сумм по билетам. А вот совсем недавно в нашей стране родился новый вид лотереи — художественная. Разыгрываются не деньги и не вещи, а произведения искусства: картины, скульптуры, рисунки, гравюры, образцы декоративно-прикладного искусства, изделия народных художественных промыслов. Тот, кому выпадет выигрыш, приобретет материальную ценность и обогатит свою повседневную жизнь красотой.

Идея организации художественной лотереи возникла в Академии художеств СССР и получила горячую поддержку в Союзе художников.

Чтобы узнать, как обстоят дела с необычной лотереей, отправляюсь сначала на Кропоткинскую улицу, где в старом московском особняке разместилась Академия художеств — высшее художественное учреждение нашей страны.

За пять минут до очередного заседания прошу у президента академии Владимира Александровича Серова несколько минут для интервью, но он разводит руками.

— Да нет их у меня, этих минут!

Но когда я произношу слово «лотерея», выражение озабоченности исчезает с лица Владимира Александровича, он улыбается:

— А, лотерея! Так вы напишите, что это дело очень хорошее. Замечательное! Я — за! Я отдал в фонд лотереи такой пейзаж, который по самой природе своей тяготеет к индивидуальному зрителю. Он способен дружески разместиться в его доме и, я надеюсь, поможет мне завести тесную, постоянную дружбу с этим человеком, с его семьей. А это для нас, художников, очень важно и очень нужно. Так же относятся к лотерее и все мои товарищи по академии.

И действительно, Мартирос Сергеевич Сарьян, посылая две свои вещи, написал: «Желаю успеха академической лотерее!» А любимец советской детворы Алексей Федорович Пахомов даже приложил к альбому литографий о детях: «Обращение к человеку — будущему владельцу моих работ». Возможно, завяжется переписка...

Борис Владимирович Иогансон, один из главных инициаторов возникновения художественной лотереи, когда я обратилась к нему с просьбой поделиться с читателями «Огонька» своими мыслями о лотерее, сказал:

— Я придаю лотерее огромное значение. Ее успех принесет всем нам радость и удовлетворение. Ведь ей дана власть широко, по-коммунистически ввести в дома и квартиры советских людей подлинные произведения наших художников, мастеров социалистического реализма.

Сергей Васильевич Герасимов выразил свое доброе отношение к лотерее, прислав несколько замечательных пейзажей, посвященных любимому Можаю.

Вместе с маститыми в лотерее широко участвует художническая молодежь из всех республик; она отдает в фонд лотереи лучшие работы. У бакинца Таира Салахова — это Каспий: «Нефтяные Камни» и «Лодки». У латыша Идулиса Зариня — равнинные пейзажи. У москвича Сергея Тутунова — лирическая жанровая сценка «Утром». А сколько еще молодых талантливых имен!

Большая часть произведений уже в Москве. В Центральном выставочном зале работа кипит: отбираются лучшие работы для грандиозной выставки.

Через огромные двери-ворота въезжают в Манеж грузовики с картинами и скульптурами. Дальше, в глубь зала с сорокаметровыми пролетами, экспонаты отправляются на маленьких тележках. Набралось их там уже видимо-невидимо: картины, отобранные вчера, стоят штабелями, лицом к стене, в отдельном отсеке. Только что прибывшие ждут своей очереди.

Члены отборочной комиссии в последний раз просматривают экспонаты — работает своеобразный художественный ОТК. Всего на заседаниях совета лотереи просмотрено около 100 тысяч работ. Билетов выпущено на 4 миллиона рублей. Тираж состоится с 7 по 15 марта в Центральном выставочном зале, где будет происходить выставка.

У держателей билетов уже есть пожелания, заказы и даже прямые требования.

В книге отзывов на малой предлотерейной выставке, что недавно прошла в выставочном зале на Кузнецком мосту, оставлена такая запись: «Дорогие устроители лотереи! Мой билет № 073 серия 12829. Скоро у меня день рождения. Я был бы очень рад, если бы на мой билет выпала картина Салахова или Мешкова. Я на вас надеюсь!»

«Хотим выиграть бюст Есенина», — мечтают молодожены Сергеевы. «Если бы я выиграла Калнрозе, я была бы счастлива», — доверительно сообщает студентка Велиева. «Товарищи! Очень хочу Фаворского!» Это крик души электротехника Павла Рябова...

Кассирша выставочного зала на Кузнецком мосту Александра Георгиевна Виноградова говорит:

— Какая веселая лотерея! Художественная лотерея — первая, которую я продаю на своем веку, а мне уж без малого 64. Вначале я волновалась, но уговаривать покупать билеты не приходилось.

Пока мы беседовали, подошел покупатель, нерешительно спросил:

— Есть билеты художественной лотереи?

— Есть, — ответила с удовольствием Александра Георгиевна.

— Вот хорошо, всю Москву объехал, нигде нет! Из самого Мазилова сюда добрался, — говорит Василий Григорьевич Удалов, мастер Московского завода учебных и наглядных пособий.

— Я, знаете ли, сам в свободное время пишу пейзажи. Так мне бы картину Сергея Васильевича Герасимова. Вытяните на счастье.

Продаются последние билеты. Они, наверное, и впрямь будут счастливые: академическая лотерея, как назвал ее в своем письме Мартирос Сергеевич Сарьян, стала всенародной.

Эльвира ПОПОВА

Выставка из фондов Всесоюзной художественной лотереи.

А. Пластов. ПЕРВЫЙ СНЕГ.

В. Серов. ПЕЙЗАЖ У РЕКИ.

Выставка из фондов Всесоюзной художественной лотереи.

Павел Матев — один из тех болгарских поэтов, которые встретили Девятое сентября двадцатилетними юношами, уже обожженными пламенем и овеянными бурным ветром первых комсомольских лет.

С тех пор уже около двух десятилетий поэт идет по творческому пути убежденного и сознательного трубадура партийной, народной правды.

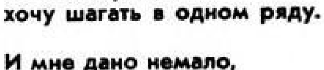
Поэзия Павла Матева очень разнообразна. Ей свойственна свободная, развитая форма, которую поэт особенно наглядно демонстрирует в своих последних произведениях. Сохраняя традиционный классический ритм, он избегает строгой строфы, переходит к многострочным стихотворным пассажам.

Павел Матев — активный общественный деятель Болгарии, главный редактор литературного журнала «Септемврi».

Ангел ТОДОРОВ

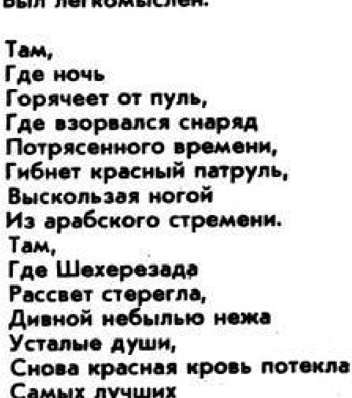
Сигналы сердца

Павел **МАТЕВ**

ПАРОЛЬ ЭПОХИ

Иракским коммунистам посвящаю

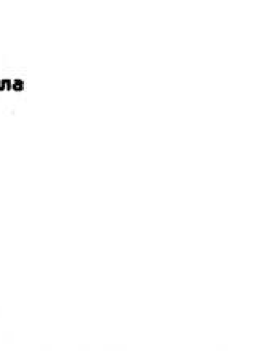
В реках
Нашего века,
Текущих широко,
Снова кровь
И кровавая пена.
— Коммунисты, тревога!
И сердце
По нервам-антеннам
Уловило эпохи пароль:
Дальний-дальний
Полуночный выстрел.
На душе
Угрызения совести, боль,
Что вчера еще
Был легкомыслен.

Там,
Где ночь
Горячеет от пуль,
Где взорвался снаряд
Потрясенного времени,
Гибнет красный патруль,
Выскользая ногой
Из арабского стремени.
Там,
Где Шехерезада
Рассвет стерегла,
Дивной небылью нежа
Усталые души,
Снова красная кровь потекла
Самых лучших
Из лучших.

Кровь течет,
Кровь кипит
На извечном огне
В реках века,
В пустынях Востока,
И сигналят сердца
На жестокой волне:
— Коммунисты, тревога!

Перевел с болгарского
Вас. Федоров.

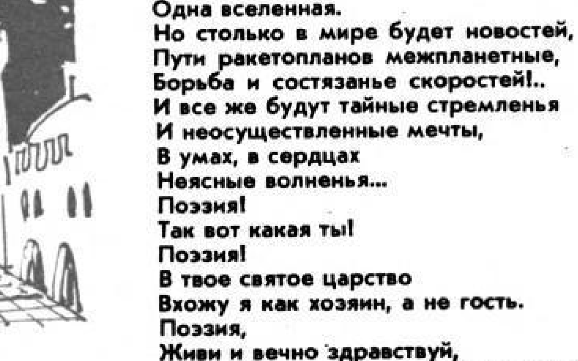
ПРЕДСКАЗАНИЕ

На ясном небе
Вспыхнет вдруг комета —
И он родится,
Явится на свет,
Тот долгожданный,
Тот Поэт поэтов,
Великий
Неизвестный нам поэт.
И у поэтов нынешних возьмет он
По лучшему мотиву одному,
И вот,
Оставив мелкие заботы,
С волненьем будем мы
Внимать ему.
Взглянуть на мир светлее и иначе
Он нам поможет песнею своей.
И мир
Нам вдруг покажется богаче,
Свежее, интересней и новей.
И все поймем
И все представим разом мы,
Что нам любые грозы по плечу,
Узнаем мы, что чувство есть у разума,
Увидим мы,
Что разум есть у чувств.

И каждый
В жизнь влюбленный беспредельно
Узнать, конечно,
Будет очень рад,
Что даже птицам,
Раненным смертельно,
Все снится,
Снится,
Что они летят!
Всего один поэт.
Одна вселенная.
Но столько в мире будет новостей,
Пути ракетопланов межпланетные,
Борьба и состязанье скоростей!..
И все же будут тайные стремленья
И неосуществленные мечты,
В умах, в сердцах
Неясные волненья...
Поэзия!
Так вот какая ты!
Поэзия!
В твое святое царство
Вхожу я как хозяин, а не гость.
Поэзия,
Живи и вечно здравствуй,
Чтоб нам на свете радостней жилось!
Там, вдалеке,
За горизонтом синим,
Торжественно сияет твой венец:
Ты будешь Красоты
И Веры символом,
Ты станешь сутью
Душ,
Вещей,
Сердец!

Перевел Иван Харабаров.

ЗАВЕРЕНИЕ

Рабочие!
По зову долга
я с вами в шуме новых дат,
не волен
даже ненадолго
оставить синеблузый ряд;
я с вами поровну изведал
и смерть,
и кровь,
и блеск штыков —
дает нам каждая победа
и братьев новых
и врагов;
но я не только в день парада
несу вам честную строку:
труба —
я шел на баррикады,
гудок зовет —
встаю к станку...

Наш мир
переполняет грохот;
он как литейный цех сейчас.
И светит новая эпоха
из ваших мужественных глаз.
Хочу во всем
принять участье,
делить и радость
и удар.
Вы точно мне
отмерьте счастье,
проверьте трижды гонорар.
Пусть будут дни
черны и грубы,—
с дороги трудной
не сойду.
Пусть закушу
от боли губы,—
хочу шагать в одном ряду.

И мне дано немало,
знаю,
глаза друзей за мной следят.
И, как проверенный солдат,
за этот мир
я отвечаю.
Нет, я от строя не отстану,
я песнями вас славить стану.
Погибну —
строками своими
они мое
напомнят имя.
Они живут
не в тихой славе.
Они не садик и крыльцо.
Спросите:
— Где товарищ Павел?
Они ответят:
— Налицо!

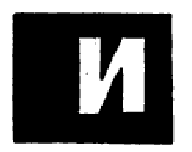

ПЕР ЛАШЕЗ

Так уж мир наш устроен,—
жизнь быстротечна.
Но в нем есть и такое,
что живо вечно.
Здесь, под небом Парижа,
посеревшим
от пыли,
и сегодня живее живых
не они ли?
Они знали удары
и знамена,
кровью омытые.
Это все коммунары,
расстрелянные,
убитые.
Неподвластные страху
не канут в Лету.
Поклониться их праху
пришли
поэты...
Есть великие кладбища.
В них
бессмертье народа.
Сама честь
на посту
тут застыла у входа.
Легендарное кладбище
в строгости трезвой!
Ты митинг,
созванный
Марсельезой!
Облака в твоем небе
от птиц крылаты.
Бессмертный жребий.
В строю солдаты.
Не страшное тленье,
не ленточек
шорох —
тут
дышит время,
властвует
порох.
Ну, а грянет
сигнал,
бой начнется
окрест,—
Париж,
твой арсенал —
это
Пер Лашез!

Перевел Виктор Виноградов.

з Великого Устюга я решил плыть в Вологду пароходом: путь хотя и долгий, более трех суток, но зато куда как гожий для такого бродячего человека, как я. Да и спешить мне было незачем: много ли рассмотришь с самолета, болтаясь два часа над облаками; а тут новые люди и разговоры, и все чинно, по порядку, без суеты и суесловия, как и положено на северной степенной реке. Тут-то и случаются всякие непредвиденные встречи, которые хочется не только запомнить, но и рассказать о них другим.

Я взял каюту второго класса и загодя отправился на пристань: люблю смотреть, как обряжают пароходы в неблизкий путь, как фасонят при этом боцманы и старпомы, будто плыть им не по тишайшей Сухоне, которая и воды не замутит, а по крайней мере в Бискайском заливе, где, как говорят, штормит все семь пятниц на неделе. Но уж тут ничего не поделаешь: дальше Вологды им идти некуда, да и то только в начале навигации, пока высокая вода.

Каюта оказалась на двоих, второго пассажира еще не было, и я, замкнув дверь, вышел на верхнюю палубу. Мой «Некрасов» стоял под погрузкой. Груз он принимал немудреный, чем, собственно, богат город и район, а богат он щетиной, пеньковым канатом, красавинскими полотенцами и скатертями с тканым рисунком, искристым устюгским пивом; лес не в счет, потому как «Некрасову» он не под силу. По трапу, обитому жестью, грохотали бочки, где-то лязгали якорные цепи, зычно покрикивали грузчики; пахло дегтем, рогожей, сыростью, и вся эта толчея звуков и запахов поторапливала немедля куда-то дальше: все тут временное, все движется и спешит.

На «Некрасове» я уже плавал и знал, что дородный мужичище в лыжном свитере и кирзовых сапогах, пересчитывавший внизу пивные бочки так, будто каждую из них сначала кропил святой водой, а потом благословлял, есть не кто иной, как отец Феофил, бывший священнослужитель, снявший сан для деятельности на ниве общественного питания. На светской службе он принял имя Федора, даже паспорт сменил, но все по-прежнему величали его отцом Феофилом: в свое время он собственноручно окрестил чуть ли не половину команды.

Рядом с ним, придерживая сбоку походную аптечку, стояла Вера Аркадьевна, супруга капитана и наша медсестра, женщина тихая и обязательная, пропахшая, наверно, с детства валерьяновыми каплями, которые, по ее мнению, излечивали все недуги. И сейчас она зорко высматривала, не понадобится ли кому ее помощь, тем более что с крутого городского берега уже ползли полегоньку первые пассажиры.

К народу, плавающему по Сухоне, я уже попривык и, наблюдая за посадкой, без затруднения разбирал, кто, куда и зачем. Трое рослых парней в шевиотовых костюмах, при галстуках, слегка под хмельком сойдут где-нибудь невдалеке; это почти наверняка леспромхозовские бензопильщики или трактористы, люди всегда при деньгах, в город ездили за покупками либо просто погулять в ресторане «Якорь». Офицер едет с беременной женой в отпуск — к ним уже торопится Вера Аркадьевна. Стайка девчат в узких брючках — студентки ветеринарного училища — поспешает на практику; они как-то уж очень выставляются, переговариваются слишком нарочито, словно все должны обратить внимание, какие они видные и независимые. Недаром старая колхозница с расписным пестерем (яйца, должно быть, возила на базар) в сердцах плюет, глянув на брюки, но сама, между прочим, не стесняется своих защитных очков в вызывающей квадратной оправе.

На всех этих пассажиров я смотрел без особого интереса и уже хотел было вернуться в каюту, как вдруг увидел сбегающего с откоса хилого старичка в панамке, за которым два дюжих молодца тащили, едва поспевая, тяжеленный кованый сундук. Старичок все оглядывался, махал им слабой ручкой, бодро взбежал на трап и исчез, а дюжие молодцы, громыхая, протащили за ним сундук.

Тут пароход подал отвальный гудок, и парни, сопровождавшие старичка, бросок выскочили на берег, но уже без ноши. Я решил постоять еще, чтобы в последний раз взглянуть на город: когда-то опять приведется здесь побывать! Впервые я был в Великом Устюге в раннем детстве; тогда запомнился разноголосый перезвон в бесчисленных церквах (колокола еще не были сняты) и заросли акации; из стручков выходили отличные свистульки. Город понравился мне и тогда, но сейчас я особенно благодарил его за несколько хороших дней, проведенных с охотниками и рыбаками.

Когда скрылась за поворотом мачта радиостанции, я пошел к себе. Дверь каюты была распахнута. На жестком сиденье, поджав острые коленки, отмахивался от мух второй пассажир, и это был не кто иной, как заинтересовавший меня старичок в панамке. Я поискал глазами сундук — тут он, сундук, под столиком, с замысловатым висячим замочком.

— Доброго соседства! — сказал я, присаживаясь напротив.— Далеко, отец, путь держите?

— В Париж,— зевнув, ответил он.— А то, может, в индийский град Калькутту.

— Это... как же? — поперхнулся я.— Как же так, Париж или Калькутта? Вроде не по пути, отец?

— А кто ё знает...

Он снял панамку и, аккуратно повесив ее на шпенек, полез в кошелку, не проявляя никакого расположения к моей особе. Есть такие старички-балагуры, что любят добродушно, без злого умысла подшутить над иным чересчур любопытствующим, сохраняя при этом вполне пристойный и даже поощряющий вид. Но мой-то был не из таких, это я сразу понял. Я приглядывался к нему, пока он рылся в своей кошелке, вытаскивая всякую домашнюю снедь; и ничего мне не приходило в голову, кроме того, что старичок-то определенно не врет.

Внешне он выглядел не то чтоб уж очень древним, а каким-то усохшим, бестелесным: с темноватой кожей, с неопределенной бородкой, растущей как попало, даже где-то возле ушей. Плечи узкие, покатые, как у подростка, грудь впалая, под нижними веками — синеватые крапинки, будто крохотные дробинки. В общем, старичок незначительный, немало таких у нас на Севере, где жизнь не балует всякими милостями, а с соленой трески не нагуляешь лишнего мяса.

Но тут я увидел его руки и долго не мог от них оторваться. Узловатые, с бурыми пятнами на кистях, они все время находились в движении; длинные пальцы без ревматических бугорков, неизбежных у старых людей, были легки и изящны, они скользили по предметам, как бы лаская и одухотворяя их, и одновременно все что-то искали, все что-то нащупывали, не зная ни отдыха, ни покоя.

Вошла проводница с постельным бельем, и в каюте стало тесно. Я решил побродить по пароходу и заодно справиться, когда откроется буфет. Но не успел я сделать и пяти шагов, как дорогу мне заступил незнакомый молодой человек, который только, казалось, и ждал, когда я выйду.

— Извините,— сказал он смущенно,— не могли бы мы поменяться местами? У меня рядом тоже двухместная каюта. С проводницей я договорился, она не возражает.

— Что ж,— сказал я не без сожаления.— Там ваш знакомый?

— Не-ет,— замялся он.— Я хотел бы...

— Но вы его знаете?

— Кто не знает Егора Ивановича! — не то с гордостью, не то с укоризной проговорил он.

Только я собирался порасспросить, кто же такой Егор Иванович, как вышла проводница, и мой собеседник устремился к ней. Видимо, он посчитал, что я уже дал согласие. Мне ничего не оставалось, как забрать свой чемодан и переселиться в соседнюю каюту. Уходя, я заметил, что Егор Иванович (который в это время закусывал) не посмотрел ни на меня, ни на нового пассажира.

«Что ж,— подумал я,— путь неблизкий, успеем познакомиться и наговориться всласть».

С новым попутчиком я сошелся быстро и через полчаса знал, что зовут его Степаном Васильевичем, по специальности — лесной таксатор, возвращается в свой трест после длительной командировки по задвинским лесхозам. От его одежды пахло можжевельником, сырыми грибами и еще чем-то вкусным и свежим, как пахнет от тех, кто трудится в лесу. Скоро он завалился спать.

Спустившись вниз, я постоял над машинным отделением, глядя, как упруго работают мускулистые поршни, почитал таблички над каютами судовой команды и добрался до окошка, в котором колыхались грузные телеса отца Феофила. Тот над кем-то командовал в глубине, не оборачиваясь к успевшей уже выстроиться очереди. Лишь раз он кинул грозный взгляд, когда кто-то басом, как поминают во здравие, прогудел:

— Отец Феофил, бочку открыл?

Я прошел на корму, где было безлюдно, безветренно, уселся на ящик с песком и стал наблюдать за жизнью реки и берегов. Не знаю, как у других, но у меня, едва лишь отвалит пароход или отойдет поезд, тотчас возникает ощущение, будто все, что было до этого, отбрасывается куда-то далеко-далеко, даже вовсе забывается, и будто сразу начинается что-то новое, удивительное, неожиданное, чего ждешь с неким трепетом,— ну, вроде как самой счастливой встречи. Начисто забываются недавние заботы и горести, словно их и не было, и даже дышится легче, и весь ты растворяешься в сонном мареве либо вписываешься, как вон та ольха, в прибрежный смутный пейзаж. Не так ли плыли здесь новгородские ушкуйники: пили брагу, помалкивали, жадно всматривались в незнакомые берега; все забыто: и военные распри, и торговые хлопоты, и покорные жены,— а впереди вот-вот замаячит норвежская крутобокая ладья с ликом прекрасной и ужасной бабы.

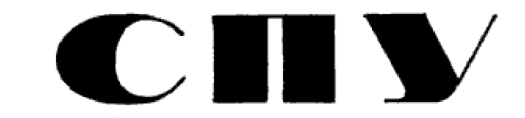
Навстречу и в самом деле плыли, сигналя флажками, прокопченные буксиры, тащившие плоты с поперечными матицами, самоходные баржи, молочные танкеры, сплавные полуглиссеры — все эти безответные речные работяги, у которых полно дел после долгого зимнего затишья. Капитаны перекликались через хриплые рупоры, как давние приятели: все тут знают друг друга, всех завязала в узелок трудолюбивая река, и все выглядит попросту, по-домашнему, без церемоний, совсем не так, как на больших и гордых реках. Перед домиками плотогонов просушивается на веревках белье, а на одном из буксиров рыжий матросик нянчит младенца, курлыкая себе под нос, наверно, про орла, прилетевшего домой, когда солнце скрылось за горой, с ворохом песен в клюве.

Река после половодья разлилась широко, затопив чуть ли не до горизонта сенокосные луга, начавшиеся сразу после устюгских увалов. Места тут низинные, черничные и голубичные; вдалеке темнеют еловые зеленомошники, простор такой, что дух захватывает. Пла-

Юрий ДОБРЯКОВ

Рассказ

Рисунки И. УШАКОВА.

ТАЙНЫЙ СПУ

вучие пристани еще не везде выведены из затонов, мимо них «Некрасов» идет, не задерживаясь, а если кто сходит, то сбавляет ход, ждет лодку, которая и примет пассажира. Зато у больших пристаней стоит подолгу, отдуваясь и вздрагивая, пока пассажиры поглазеют на девчат, высыпавших на берег, попьют топленого молочка из глиняной крынки или сбегают в сельпо за «красной головкой».

Затем снова — плюх, плюх — завертятся красные плицы, пароход отвалит, выйдет на главный фарватер. И хотя путь пока ничуть не стеснителен, все же встречные суда, сближаясь, долго объясняются: обхожу, мол, справа или, мол, слева; не столько это по необходимости, сколько из вежливости и обходительности.

На корме я просидел, пока не начало темнеть. Палуба была полным-полна. Ветеринарши в брючках, сбившись в кучку, отсмеивались и отмахивались от двух леспромхозовских парней, уже успевших познакомиться и даже завоевать симпатию. Один сидел в самой кучке, будто ненароком обхватив за талию пухлую соседку, другой стоял гоголем, картинно выставив ногу, что-то рассказывал, от чего девчата покатывались со смеху и чуть повизгивали. Кое-кто посмотрел бы на них с укором: какое, дескать, легкомыслие! Но я-то знал, что все это просто так, дорожное времяпрепровождение, не более: девчата на Сухоне строгие, их на прибауточки не возьмешь, интересный разговор — тут уж иное дело.

Вообще было заметно, что народ на пароходе обжился и чувствовал себя как дома. Обойдя всю палубу, я увидел и моего таксатора, успевшего вздремнуть, и женщину с пестерем, снявшую наконец модернистские очки, и офицера с беременной супругой, и многих других, выползших на свежий воздух. Не было только старичка в панамке и его нового попутчика.

Но едва я вспомнил о них, направляясь в буфет, как чуть не столкнулся с тем, кому уступил место в каюте. Тот бежал куда-то с пузатым чайником в руках.

— Егор Иванович чаю хотят!— крикнул он на ходу.

В буфете страсти уже улеглись. Отец Феофил встретил меня как старого знакомца.

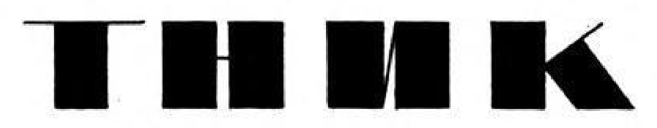
* * *

Вечером я пораньше улегся спать, чувствуя, что впечатлений пока достаточно. Но забылся я, должно быть, не более чем на полчаса. Вдруг меня словно что-то кольнуло, и я вскочил, растерянно озираясь, не понимая, какая тому причина. Сосед мой еще не возвратился, жалюзи были опущены, желтым глазком подмигивал ночничок на столе.

Еще через мгновение я сообразил, что беспокойство вызвал во мне не кто иной, как тот же старичок в панамке, и именно с той минуты, когда я переселялся от него в соседнюю каюту. Вероятно, вначале это было какое-то подсознательное ощущение, нечто вроде слабого душевного толчка, но теперь-то я понимал, что мне уже не избавиться от мыслей о старичке, что все ощутительнее надвигается на меня предчувствие какой-то беды, которая произойдет со старичком, может быть, этой же ночью.

В самом деле, что за странная история! Зачем ветхозаветному старцу лезть со своим сундуком в Париж или Калькутту? Что у него в сундуке, который, как я сам убедился, весит изрядно? Что это за новый попутчик? Я не видел его при посадке. И почему ему понадобилось попасть именно в ту каюту, где оказался старичок?

Приложив ухо к стене, я задержал дыхание. Ничего: ни звука, ни шороха. Черт возьми, а ведь у парня, когда он меня остановил, действительно как-то неестественно блестели гла-

за! И лапищи у него дай боже, не то что у чахленького владельца сундука!

Ночничок все подмаргивал: смотри, дескать, не оплошай! Нет, необходимо сейчас же что-то предпринять, однако осторожно и незаметно; предупредить несчастье надо, но на всякий случай и самому не остаться в дураках. Может быть, посоветоваться с моим таксатором? Но Степан Васильевич тоже нездешний и вряд ли сможет что-либо прояснить. Рассказать о своих подозрениях капитану? Но это будет принято как официальное заявление, и стыд мне и срам, если тревога окажется ложной.

И тут меня осенило: отец Феофил! Уж он-то наверняка знает, кто такой Егор Иванович и по какой надобности тащится со своим сундуком черт-те куда!

Я неслышно выскользнул из каюты, опустился вниз и остановился у двери с дощечкой «Зав. буфетом». Дверь была приоткрыта, оттуда доносилось глухое гудение. Прислушавшись, я узнал голос отца Феофила.

— «О-от ю-у-ности мо-о-оея мнози борю-ут мя стра-а-а-асти»,— старательно гудел бывший иерей.

Увидев меня, буфетчик нисколько не удивился, но петь перестал. Сидел он в одной тельняшке, пропотевшей под мышками, шелушил тараньку и, видимо, благодушествовал вполне. Глянув на его голую грудь, я невольно поискал, не обзавелся ли уже отец Феофил и татуировкой, но нет, татуировки не было, грудь заросла жесткой овечьей шерстью.

— Знаю,— сказал я,— музыка Бортнянского.

— Умел, подлец! — восхищенно провозгласил буфетчик и подвинулся, освобождая место рядом.— Воблу приемлешь?

Посасывая рыбу, просоленную до седины, я как можно спокойнее рассказал о своих попутчиках и возникшем у меня подозрении. Сначала отец Феофил слушал не очень внимательно, затем с некоторым удивлением, а когда я закончил, уставился на меня с нескрываемым любопытством и вдруг громко и густо захохотал. Хохотал он долго, сотрясаясь всем телом, отирая выступившие слезы, охая и фырча.

Утихнув, спросил:

— В панамке, говоришь? С сундуком?

— Точно.

— А отрок-то, отрок? Разбойный блеск в очах?

Теперь он похохотал на другой манер — с подвыванием, но не долго, а вскоре и совсем затих. Я терпеливо ждал, понимая, что попал впросак, но все же с интересом ожидая разъяснения.

— Что в Париж едет — это не брехня. Он уж не впервые по заграницам, Егорий-то,— хитро прищурившись, заговорил мой собеседник.— С сундуком его, конечно, не пустят, но содержимое... тут-то и весь секрет. Разложат на бархатных подушечках, под особое стекло заточат да и повезут. В Торговой палате на то свои художники. А Егорий при сем в наивысшем почете. Ему даже английская королева руку почтительнейше жала. А шах персидский, говорят, перстень подарил.

— Да кто ж он такой? — засмеялся и я.

Отец Феофил стал серьезен. Он полез в карман, вытащил серебряный портсигар, осторожно погладил по крышке.

— Вот,— сказал он,— Егория работа.

На крышке явственно проступал темный, строгий рисунок: будто струится светлая чистая вода, со дна поднимаются водоросли, над ними проплывают диковинные дымчатые рыбки, и хоть ничтожно малы они, но на каждой отчетливо видна каждая чешуйка. Я поднес портсигар поближе к свету, и рыбки засверкали, заискрились, напомнив древнее предание о черном жемчуге, украшавшем обнаженную грудь Клеопатры.

— Дивно, а? — приглушенно спросил буфетчик.— Про шаха, может, и побасенки, но это же факт, устюгские мастера в тех же Парижах не одну золотую медаль схлопотали. Вот и теперь Егорий-то на какую-нибудь выставку позван.

— Северная чернь? — сказал я.

— Экой ты! — сокрушенно вздохнул отец Феофил.— Был в Устюге Великом, а этакое пропустил... Говорят, перед первой войной заехали к нам два английских купца. Зачем бы им на Сухону? А купцы не дуры, прямиком к престарелому мастеру Чиркову. Дескать, так и так, приглашаем тебя в Лондон на беспечальное житье или, если не пожелаешь, десять тыщ золотых рублей вручаем в наличности. За секрет, значит. Чирков, говорят, вежливо выслушал, угостил англичан махрой да и пожелал счастливого возвращения. Силен мужик!.. А то, говорят, заскочил однажды в Устюг кто-то из наших великих князей...

В дверь постучали. Буфетчик недовольно хмыкнул, пошел открывать сам, с кем-то переговорил и принялся натягивать через голову свитер.

— Завтра я тебя представлю Егорию-то. А сейчас, видишь, повар зовет.

— А кто же малый тот? — спросил на ходу я.

— С чубчиком, говоришь? Настырный?

— Да вроде бы.

— Не иначе, как Васька Перхушков. Он в артели в учениках состоял, но чем-то проштрафился. Вот теперь и облетывает Егория, как шестикрылый серафим. Парень, однако, не без таланта.

— Значит, зря я беспокоился? Можно спать?

— Аминь,— сказал отец Феофил.

В моей каюте по-прежнему мерцал ночничок и мирно похрапывал Степан Васильевич. Я забрался под одеяло и закрыл глаза. Конечно, я и раньше слышал об устюгских мастерах чернения по серебру и теперь пожалел, что не побывал в артели. Может быть, Егор Иванович — последний из тех, кто хранит секрет приготовления черневой массы, которая переживает века.

Внезапно я увидел великого князя. Он стоял,

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ МУМИИ

Бруклинский музей в Нью-Йорке захотел выбросить египетскую мумию, так как она, не имея особой исторической ценности, занимала много места. Для консультации был привлечен сановный священник. Он авторитетно заявил, что мумия должна быть погребена по всем правилам христианских законов. Что ж, хоронить так хоронить! Но об этом проведала служба здравоохранения. Немедленно было выдвинуто возражение: труп без врачебного освидетельствования хоронить нельзя. Здесь-то и началась история злоключений мумии. Во врачебной справке должна значиться причина смерти. Но ни один врач такую справку дать не мог. Как быть? Сотрудники музея стали объяснять министерским чиновникам, что предстоят похороны не только что умершего человека, а мумии древнего египтянина, скончавшегося более чем полторы тысячи лет назад, что даже если в те времена и существовал обычай выдавать документы и справки по поводу и без оного, то и в таком случае древние папирусы могли бы истлеть, а глиняные дощечки затеряться. Но чиновничье ухо было глухо. Подавай справку — и дело с концом! Что делать? На экстренный совет были созваны самые смышленые сотрудники музея. Долго они ломали голову над этой историко-бюрократической проблемой. Наконец кто-то предложил: а не подарить ли мумию какому-нибудь другому музею? Сотрудники рискнули грешным делом приписать мумии необыкновенную историческую ценность. К счастью, какой-то музей клюнул на эту приманку. Дело оставалось за небольшим — перевезти мумию. Но и здесь служба здравоохранения предъявила то же самое требование: по положению о транспортировке трупов мумия может быть перевезена, если будет предъявлено врачебное свидетельство о смерти. А в этом свидетельстве должна быть черным по белому означена причина смерти.

Создалась ситуация, именуемая заколдованным кругом. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы ассистента музея не осенила мысль объявить мумию анатомическим препаратом и таким образом переправить ее к месту назначения.

Л. БОБРОВ

ПРИЛИВЫ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Колоссальную энергию таит в себе морской прилив. Только побережья нашей страны омываются морями, которые могут дать миллиарды киловатт-часов электроэнергии в год.

Богато этой неуемной, вечной энергией и Белое море. И не случайно первая ПЭС — приливная электростанция — строится именно здесь. Начались подготовительные работы. Роется котлован. В нем будет воздвигнуто здание станции. Пожалуй, не воздвигнуто, а, скорее, затоплено. Станцию сейчас строят около Мурманска, собирают, как дом, из железобетонных блоков. Затем его отбуксируют и затопят на заранее подготовленном основании.

Кислогубская ПЭС опытная. Невелика ее мощность. Но не это главное; важнее экспериментально проверить конструкцию станции оригинальной системы, созданной в нашей стране, первые обратимые турбины, дающие возможность с наибольшей полнотой использовать неравномерность приливов.

...Первая приливная электростанция еще не готова, а недавно логгер «Айсберг» и сейнер «Радуга» вернулись из Лумбовского залива; они исследовали возможности строительства второй, более мощной станции. Вслед за ней будет воздвигаться Мезенская устьевая мощностью миллион киловатт, затем наступит очередь Кулойской, а потом, видимо, гигантской Беломорской, они смогут дать 16 миллионов киловатт!

Н. КИРИЛЛОВ

Мурманск.

ЭЛЕКТРОННЫЙ НОС

Что мы знаем о запахах? В природе их насчитывается приблизительно 110 тысяч.

Обычный человек в состоянии воспринять лишь небольшую их часть. Притом способность эта развита у людей неодинаково. У женщин обоняние тоньше, чем у мужчин. Большинство людей запахи воспринимают левой половиной носа лучше, чем правой.

Нельзя ли создать какое-нибудь обонятельное устройство, более объективное, чем человеческий нос, и к тому же более чувствительное?

Над этой проблемой работают ученые-бионики. Недавно в США создан электронно-химический дегустатор, способный анализировать запахи и определять сорта цветов, вин, табака, кофе, бензинов, медикаментов, пищевых продуктов, парфюмерных товаров. Искусственный нос представляет собой серию ионизационных детекторов, связанных с колонками для газовой хроматографии. Электронный нос совершенней человеческого. Его можно применять для изучения запахов пищи, определения доброкачественности продуктов, в самых различных промышленных процессах. Можно попытаться выяснить вопрос: нет ли запахов в космосе?

В. АНАСТАСОВ

РАЗГАДКА МЕТЕОРИТА

В провинции Онтарио (Канада) были обнаружены остатки метеорита. 20 обломков общим весом до 15 килограммов. Исследователей удивил необычный состав метеоритов: пористая керамическая масса. Изучение с

ВОЗДУХ СТРОИТ ЗДАНИЕ

Видимо, те, кто о воздушных замках говорит только иронически, не знакомы с конструкциями, разработанными профессором архитектуры Михаилом Сергеевичем Туполевым и его сотрудниками.

Вместо балок и перекрытий тут применены прочные прорезиненные пневматические арки-шланги. Только что они лежали, свернутые в рулон, как пожарный рукав. Застучал движок ком-

сияя орденами, перед мастером Чирковым, рассматривал узорную брошь и, близоруко щурясь, вопрошал: «А не фанаберия ли сие, мастер Чирков? Не отлетит ли чернь от малейшего сотрясения?» «Не веришь, твое высочество? — обиделся Чирков.— Ну, так смотри же». Взял он брошь, положил на наковальню и что есть силы ударил по ней молотом. И — о чудо! — с вещицы не осыпалось даже крошки черни.

Я с интересом ждал, что будет дальше, но дальше началась форменная чепуха. Там, где только что стоял великий князь, оказался Васька Перхушков, за спиной у него трепетали шесть слюдяных крылышек. Васька взлетел, закружился над мастером, и оба они слились с темнотой...

* * *

— Опоки! Опоки!

Кто-то тряс меня за плечо. Приподнявшись, я увидел Степана Васильевича, уже одетого, с полевым биноклем, болтающимся на ремешке повыше живота. Сквозь жалюзи струились косые ручейки утреннего света.

— Скоро Брусенец. Вставайте, нельзя же проспать этакую красоту!

Что верно, то верно: нельзя прозевать Опоки. Я вскочил, быстро привел себя в порядок и вышел на палубу.

На мгновение золотистый колеблющийся свет раннего утра ослеплял. Было прохладно, но не знобко, как при тумане, а бодряще и хорошо. Воздух был звонкий, что ли, какой-то похрустывающий, с едва уловимым привкусом хвои.

Пароход медленно, словно на ощупь, пробирался по узкому, длинному коридору, зажатому крутыми, почти отвесными скалами. Куда девались проплывавшие еще вчера суходольные луга? С обеих сторон теснили реку отроги Сухонского Заволочья и Северных Увалов, обросшие наверху еловыми долгомошниками и словно вырезанные, как слоеный пирог, гигантским ножом. Слои обнаженных валунных суглинков, лишенные всякой растительности, повторяли почти все оттенки цветовой гаммы: красного, как бычья кровь, темно-коричневого с белесыми прожилками, сурикового, как яичный желток, а чем ниже, тем гуще и синее, купоросной изморози, словно впитавшей в себя отблески сухонской воды. Прибрежной пологой полосы не было вовсе, скалы падали прямо в реку, и оттого казалось, что и мы проваливаемся куда-то в тартарары, туда, где живет древний и грозный подземный бог, сотворивший это мрачноватое чудо.

— Сотворение мира! — словно подхватил мою мысль Степан Васильевич.— Знаете, на пути в Устюг я наблюдал здесь любопытное зрелище. С одной из круч сорвался медведь. Должно быть, лез за малиной и не рассчитал. Летел, как куль с мукой, ревел на всю округу. Жаль беднягу, а вообще-то совершенная дичь!

«Некрасов» почти полз, часто подавая гудки, позванивая машинным телеграфом, осторожно обходя каменные «переборы» и замшелые валуны, торчавшие из воды. Иногда под брюхом у него что-то угрожающе шуршало, и капитан, не сходивший с мостика, торопливо склонялся к трубке мегафона. Мы проходили злые опокские перекаты, пароход скреб дно, и я теперь воочию убедился, почему так недолго продолжается на Сухоне сквозное плавание.

Изредка скалы чуть раздвигались, пропуская бойкую лесную речку; удивление, да и только, как хватало у нее сил пробиться сквозь такие громадины! Сухона охотно впускала речку, но пользы от этого было, как видно, немного. В устьях лепились будки бакенщиков, крутились жестяные ветряки, стояли на приколе рыбацкие лодки; бакенщики, когда проходил «Некрасов», скидывали фуражки, кланялись — то ли пароходу, то ли нам.

Обойдя палубу, я снова увидел тех, кого приметил раньше. Жена офицера, обхватив большой живот, беседовала с мужем и Верой Аркадьевной. Ветеринарши чего-то пригорюнились, стояли молча, опершись локтями о поручень. Не было только леспромхозовских парней и старой колхозницы: видимо, сошли ночью.

На корме с подветренной стороны особняком ото всех сидел в плетеном кресле Перхушков. Левой рукой он придерживал на коленях раскрытую тетрадь, а правой быстро делал набросок. Мне стало неловко за свои вчерашние подозрения, особенно когда Перхушков радостно закивал мне.

— Чудно, а? — сказал я.

— Вы в первый раз? — живо отозвался он.— Вон посмотрите-ка на тот утес. Видите? Стоит гордо, как вожак оленьего стада, подняв рога-ели. И грудь такая же желто-бурая, с подпалинами, могучая грудь. Эх, видеть-то я вижу, а вот выразить... Мне бы да силищу Егора Ивановича! — с горечью воскликнул он.

Я внимательно пригляделся к Перхушкову, благо он опять занялся рисунком. Его скуластое обветренное лицо с толстыми, чуть вывороченными губами, с приплюснутым носом выражало лишь добродушие, ничего больше. Но по тому, как он всматривался в берега и как при этом подрагивала у него на виске синяя жилка, можно было обнаружить, что переживает Перхушков сейчас что-то такое, о чем вряд ли подозревает и сам, и это что-то заставляет его смотреть на берега совсем не так, как смотрят другие. «Парень не без способностей»,— вспомнил я слова отца Феофила.

— А где же Егор Иванович? — спросил я.

Перхушков безнадежно махнул рукой.

— Не выходит. И меня гонит.

— Но, помнится, вы сказали, он вас и не знает?

— Откуда же ему знать! Это уж тогда приставляют нашего брата к такому мастеру, как Егор Иванович, когда годочка три-четыре посидишь на подсобных. Я вот не стерпел, сорвался...

— А разве он один знает секрет?

— Какой секрет?

помощью рентгена показало, что это — высококачественное стекло специального назначения. Еще более удивились исследователи, когда на мелких обломках обнаружили правильные отверстия, просверленные, как показала экспертиза, алмазным инструментом. Стало ясно: это части какого-то искусственного сооружения. Замер направления остаточного магнитного поля железистых минералов керамической массы показал, что момент падения метеорита примерно совпадает со временем вхождения в плотные слои атмосферы одного из летавших американских спутников. Канадские исследователи пришли к выводу, что метеорит представляет собой остатки термозащитного покрытия спутника.

Ю. РЕШЕТОВ

прессора — арки налились воздухом, поднялись.

На такие стропила можно накинуть прозрачную полиэтиленовую пленку — получится неплохая теплица. Если же стены и крышу сделать из брезента, получится склад, очень удобный для хранения удобрений: при желании его можно легко переносить с места на место. Из надувных конструкций сооружается гараж, полевой стан, передвижная ремонтная мастерская.

Новый метод сборки пригоден также для постройки туристических палаток, небольших кинотеатров. Воздух превращается в универсальный строительный материал.

К. СНЕГОВ

ТАБЛИЦЫ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Скалистые кручи Джавахетского хребта. Причудливые каменные громады возвышаются по краям глубокого каньона. Далеко внизу бурлит река Машавера. В обрывистых склонах зияют черные отверстия. Это входы в лабиринт пещер.

В этом живописном районе, расположенном на границе Грузии с Арменией, проходили забытые ныне пути древних народов.

В течение нескольких лет в отрогах Джавахетского хребта работает экспедиция доктора исторических наук Отара Михайловича Джапаридзе.

Находки археологов довольно красноречивы. Огромный погребальный зал, размером 100 × 120 метров, золотые и серебряные украшения, керамика, изделия из вулканического стекла — обсидиана, кости домашних животных.

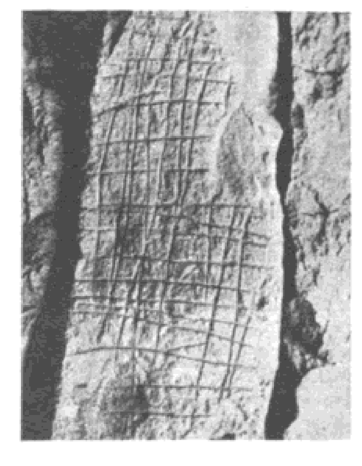
Орнамент обнаруженных здесь керамических сосудов характерен для племен, которые населяли запад, центр и северо-восток горного края. По своему развитию эти племена не уступали народностям древнейшего на земле государства Урарту. В Урартской и местной, Триалетской, культурах прослеживается много общего.

Работы Отара Джапаридзе еще раз опровергли мнение некоторых ученых об отсталости и разобщенности народов Кавказа.

Совершенно неожиданно Гамаретский курган преподнес археологам необычную загадку. Плоские камни, которыми выложен погребальный зал, оказались покрытыми знаками. Они сильно стерлись и плохо различимы, но тем не менее можно разобрать, что одни из них, несомненно, являются орнаментом, но другие... Загадочные изображения на других плитах чем-то отдаленно напоминают клинопись Урарту.

Очевидно, наука столкнулась с новым, неведомым еще письмом. С расшифровкой загадочных изображений наука получит ценнейшие сведения. Исторический период, отдаленный от нас четырьмя тысячелетиями, станет более ясным.

И. ПРОКОФЬЕВ

ПОЛЕТ ПОД ВОДОЙ

Стремительно набрав скорость, белоснежный катерок зарылся в волне. Еще несколько мгновений белая стрела скользила под водой, но потом и она скрылась. Только натянувшийся буксирный трос говорил о том, что суденышко находится где-то в глубине озера.

— Сейчас оно метрах в тридцати от поверхности, — сказал один из испытателей. — Но подводный планер может опускаться и на бо́льшую глубину.

Планер? Да, подводный планер сконструировали молодые инженеры и студенты Московского авиационного института. Он сделан из стеклопластика. У него надежное и простое управление. Пилот-аквалангист располагается в удобном боксе, сверху и снизу прикрытом органическим прозрачным стеклом. Обзор отличный. Планер, предназначенный для ведения под водой научно-исследовательских работ, оснащен мощными фарами-искателями, позволяющими освещать водную дорогу далеко вперед. В особом боксе возможна установка кинокамеры или фотоаппарата.

Если нужно, планер легко отцепляется от буксировщика и начинает свободное парение.

К. ТАНИН

КАВКАЗСКИЙ ЖЕНЬШЕНЬ ЕСТЬ!

...На ладони лежит шершавый удлиненный корешок, легкий и в то же время очень весомый.

Это женьшень из Тебердинского заповедника. Да-да, тот самый прославленный дальневосточный женьшень!

Десять лет тому назад семена женьшеня были высажены в различных местах страны: в Сибири, на Урале, под Москвой и Ленинградом. Привезли семена и в Тебердинский заповедник. Но как нужно обращаться с этими бесценными растениями, никто здесь не знал. Правда, существовала официальная инструкция о том, как выращивать женьшень на Дальнем Востоке. Но здесь, на Кавказе, условия совершенно иные: горы, альпийские луга и леса, почти круглый год — солнце. Нелегко было выбрать место, где мог бы расти этот капризный корень. Пришлось день за днем, год за годом создавать свою методику, свои приемы выращивания женьшеня.

Немало усилий затратили сотрудники заповедника во главе с кандидатом сельскохозяйственных наук А. А. Малышевым, культивируя эти неуживчивые растения.

Но теперь с полной определенностью можно утверждать: есть кавказский женьшень! Больше того, тебердинский женьшень по своим лечебным свойствам оказывается лучше корней, культивируемых на Дальнем Востоке.

И. ПЕЧЕНЮК

— Ну, чернения, что ли.

— Да разве это секрет? — удивился Перхушков.— Не прежние времена. Рецептуру черневой массы или ее пропорции теперь любой технолог знает. Конечно, и в этом деле надобен опыт: как последовательно смешивать серебро и свинец, медь и серу, поташ и буру, сколько держать смесь на огне. Но это опять же только технология. Секрет у Егора Ивановича другой.

— Какой же?

— Егор Иванович — великий художник,— строго пояснил Перхушков.— Вы когда-нибудь видели, как создается черневой рисунок? Нет? Смотрите.— Он торопливо перевернул страницу и начертил квадрат.— Вот какая-то серебряная пластина. Мастер гравирует на ней рисунок и покрывает его черневой кашицей. Затем пластина накаливается, кашица плавится, заполняет углубления, как показано на рисунке. Когда пластина остынет и кашица крепко припаяется к серебру, начинается шлифовка. Рисунок обнажается снова, но уже покрытый чернью. В основном это все. Казалось бы, не так уж и сложно. А между тем из всего этого вышел бы один конфуз, если бы не было в изделии художественного мастерства. Мало быть только искусным гравером или опытным шлифовщиком — надо быть настоящим художником. Без него северная чернь была бы просто грубой кустарной поделкой.

Он захлопнул тетрадь, откинул со лба непокорный вихор. Теперь он выглядел не таким уж добродушным, как думалось вначале, что-то появилось в нем резкое, непримиримое.

— Вы спросите, куда я еду. А никуда. Вроде просто при старичке. Для того и каюту с вами поменял. Но не отступлюсь! Я ему прошлой ночью даже поясницу щекотал, говорит, помогает от ломоты. Я ему хоть что... Может, поймет Егор Иванович: мне без него жизнь не жизнь. Мне, может, чернь-то эта по ночам снится.

Басовитый гудок заглушил его слова. Пароход подходил к пристани Брусенец, а это означало, что опасные перекаты пройдены. Перхушков рассеянно поглядел на толпившихся у причала пассажиров, заторопился.

— Тут соленые огурцы хороши. Егор Иванович любит.

Пока «Некрасов» осторожно терся о старые автопокрышки, служившие здесь кранцами, словно проверяя их надежность, я отыскал буфетчика и рассказал ему о разговоре с Перхушковым. Отец Феофил нахмурился, озабоченно почесал лоб.

— Поспособствуем Ваське. Возьмем Егория не осадой, а штурмом.

* * *

Чем ближе подходили мы к Тотьме, тем шире раздвигались горизонты, нежнее и сочнее становились луга. Плыли мы мимо заливных пойм, заросших осокой и хвощами, иногда ветер доносил запахи пырея, а то долго тянулись вырубки и гари, не затопляемые даже в половодье, покрытые, словно бело-зеленой скатертью, тимофеевкой, душистым колоском и лисохвостом. Низко над болотистыми низинами, как крохотные реактивные истребители, пролетали стаи диких уток. Только у самой черты горизонта темнели густые, нетронутые еловые леса.

Обстановка на реке стала совсем иная, и хотя встречались отмели и островки, пароход шел бойко, не стесняясь, работая на полные обороты. По-прежнему все теснились на палубе, но состав заметно обновился: исчезли, к примеру, веселые ветеринарши. Зато вместо них появилась группа степенных женщин в одинаковых белых платочках, под которыми были аккуратно упрятаны волосы, так что не выбивалось даже прядки, в одинаковых клеенчатых фартуках, и у каждой — по маленькому ведерку, обвязанному сверху марлей. Я долго гадал, кто такие: то ли молочницы, или, может, откачивали мед, или, может, собирали прошлогоднюю клюкву,— пока мое недоумение не разрешил Степан Васильевич.

— Сборщицы живицы из химлесхоза,— пояснил он.— Сначала пройдут вздымщики, сделают на стволе надрез, подвесят стаканчик, чтобы, значит, по желобку стекало, капля за каплей. А спустя известное время пойдут по их следам вот они. Вроде как по ягоды пойдут. Много ли в таком ведерышке? А чтобы его наполнить, протопаешь не один десяток верст.

Сборщицы живицы сошли на одной из ближайших пристаней. Они шли по сходням одна за другой, вытянувшись длинной цепочкой, как гусыни, и это сходство усиливалось тем, что каждая была обута в самодельные полусапожки из красной резины.

Кого только не встретишь на Сухоне!

А потом начало темнеть, и на реке зажглись бакены. Зеленые и красные, они слегка покачивались, подмигивали, будто с нами заигрывали русалки. Берега стали смутные, над водой нависли косматые купы вязов, вдалеке забегали какие-то огоньки,— и все это было прекрасно, неожиданно и ново, хотя повторялось уже много раз.

Сколько еще ни минет лет, сколько ни промелькнет людей, равнодушных или восторженных, никогда не поблекнет первозданная прелесть северной моей стороны — все тут свое, родное, настоящее: и свежесть утренних зорь, и суровое раздумье елей, и чистота лесных озер, и спокойная красота женщин. Ничего тут нет броского, вызывающего охи и ахи, но, право же, первый блеклый подснежник, проглянувший из-под талого снега, или поздняя страсть клена, вспыхнувшего костром, могут украсить жизнь лучше и надежнее, чем самые изощренные причуды природы. Не потому ли и прорастают тут, словно травинки в поле, этакие старички, как Егор Иванович,— тихие, кроткие, неприметные, но видящие вокруг себя все и вся, и не пустым оком созерцателя, а, как писали в старину, зрелым зраком творца.

Сидит, наверно, сейчас Егор Иванович в своей каютке, жует пирожок с луком, поглядывает будто ненароком в окошко и все-то видит, все примечает: и крутой обрыв с выпершими мергелями, и вяз над рекой, и кукушкины слезки на пригорке, и красные сапожки сборщиц живицы, и даже Васю Перхушкова, хотя тот и не подозревает, что за ним глаз да глаз. Все видит, ничего не пропустит, все намотает на ус.

Вдалеке, на холмах, показались огни Тотьмы. Я не раз бывал в этом старом русском городке и сейчас с удовольствием предвкушал прогулку по его тихим улочкам. Время было не позднее, стоянка часа полтора, и, когда пароход причалил, я первым выбрался на берег. Мне хотелось побыть одному, тем более что помнилось укромное местечко сразу за сплавконторой, откуда с гребешка открывается пречудесный вид на сухонские раздолья.

Но на лестнице, ведущей на холм, меня догнал Степан Васильевич.

— Куда вы исчезли? Вас всюду разыскивает отец Феофил. Он сейчас в каюте у вашего старичка.

Вспомнив, что буфетчик обещал помочь Перхушкову и, может быть, нуждается в моей поддержке, я бегом бросился обратно.

Я застал всех троих за странным занятием. Перхушков жался в углу каюты, отец Феофил, раскрасневшийся, взлохмаченный, раскладывал перед Егором Ивановичем карты, а тот, пощипывая цыплячий пушок на подбородке, невнятно хихикал.

— Как ни кинь, а все дальняя дорога,— оракульски возвещал отец Феофил, ловко манипулируя колодой.— Разверзятся перед тобой, старче, и твердь небесная и волна морская. То есть понесут тебя дизельные экспрессы, океанские атомоходы и воздушные лайнеры, бо так легли шестерка бубновая, десятка червонная и тройка треф. Зришь?

— Хе-хе,— ответил Егор Иванович.

— И всюду будет сопутствовать тебе успех и удача. Встретишь ты на пути своем — видишь? — знатных дам и принцев крови, президентов и премьер-министров, раджей и магараджей, даже одного императора. Будут они тебе в очи заглядывать и любезные слова говорить, но ты им не больно-то верь, бо все они темной масти и легли, образовав подобие креста.

— Хе-хе...

— А верь ты тому,— возвысил голос буфетчик, мельком взглянув на Перхушкова,— кто войдет к тебе с изначала пути. Войдет с добрым словом и чистым сердцем, бо лег у тебя в головах червонный валет, а валет сей и есть твой спутник. И хотя спутник тот тайный, неведомый тебе, но верь ему и доверься, как сыну родному, бо и тебя он чтит, как родного отца.

— А пристойно ли сие, отче? — спросил вдруг Егор Иванович.

— Это... как? — опешил буфетчик.

— Пристойно ли, спрашиваю, сие занятие бывшему духовному пастырю? С картами-то?

Бывший пастырь на мгновение растерялся. Но только на мгновение. Он незаметно подмигнул мне — дескать, старика голыми руками не возьмешь! — и пробасил:

— Каюсь. Не отряхнул еще, Егорий, прах суеверий. Но в карты верю, карты не соврут. Спроси вот бывалого человека,— он указал на меня,— можно верить картам или нет?

— Можно,— твердо заявил я.

— То-то... А суеверия что ж? Ведь и ты, Егорий, тоже когда-то по другой стезе шествовал. Запрестольного бога Саваофа изображал? Изображал. А архангела с трубой? А херувимчиков с тонкими ляжками, как в ансамбле песни и пляски?

— Хе-хе...

— Вот тебе и изюм. Знаю, брат, что ты теперь рисуешь другое... И корабли космические у тебя по серебру летают. И на подстаканниках у тебя не вифлеемская звезда, а...

Заревел первый гудок. Собеседники замолчали: один тяжело пыхтел, другой, сцепив хилые пальцы, перебирал ими, будто играл на гармошке.

— У меня на те случаи обереж есть,— проговорил Егор Иванович, когда снова стало тихо.— Обереж в пути-дороге. Хочешь скажу?

— Мудрствуешь, старче?

— Ты слушай,— хитровато прищурился Егор Иванович и певуче, елейным голоском запричитал: — Еду я из поля в поле, во зеленые луга, в дальние места, по утренним зорям и вечерним закатам, умываюсь медной росой, утираюсь солнцем, облекаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звездами. И-эх, еду я, еду, а во поле растет одолен-трава. Одолен-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил: породила тебя мать сыра земля, поливали тебя девки простоволосы и бабы-самокрутки. И-эх, спрячу я тебя, одолен-трава, у ретивого сердца, храни и соблюди меня от людишек неверных, от завистников и корыстолюбцев, от льстивых и нерадивых, лиха бы они не думали, скверного не мыслили. И так тому будет и во веки веков!

Пальцы у Егора Ивановича успокоились, веки полуприкрылись, но все же я заметил, как он зорко глянул на полутемный угол, где таился Перхушков. Отец Феофил задышал еще гуще.

— Мухоморище ты! — сердито пророкотал он.— Чего все вокруг да около? Засел в тебя бес неверия, и крутит он тобой и крутит...

— Да какая же корысть? — простонал в углу Перхушков.

За все это время он не сказал ни слова, но тут, видимо, его проняло. Егор Иванович снова кинул в его сторону быстрый, сторожкий взгляд.

Отец Феофил поднялся.

— А если душа горит? Если талант? — свистящим шепотом выговорил он.

— Хе-хе,— сказал Егор Иванович.

Колода карт с треском шлепнулась о стол. Буфетчик, избычившись, хотел что-то сказать еще, но в эту минуту заревел второй гудок. Егор Иванович устало откинулся к стенке и закрыл глаза.

— О твоем обереже мы еще потолкуем,— раздельно произнес отец Феофил.— А пока кормить людей надо.

Он с шумом захлопнул дверь. Я выскочил следом. Буфетчик крупным шагом уходил по коридору, что-то бурча себе под нос.

Пароход отваливал. Тотьма провожала мерцанием огней на набережной, перекличкой буксиров, бодрым маршем, льющимся из репродуктора над входом в дом культуры. Проплыл справа знаменитый Гребешок с темными очертаниями древнего монастыря. Вспыхнули и погасли прожекторы сплавного рейда: в их блуждающем свете мужики, работавшие на катище, выглядели былинными богатырями.

Затем все поглотила ночь.

Забравшись к себе на корму, я следил за убегающей лунной дорожкой, дышал сырыми испарениями реки и раздумывал. Что, в самом деле, за странная и наивная история? Старческие причуды? Строптивость характера? Уж теперь-то не оставалось сомнений, что Егор Иванович знает Перхушкова, знает, почему тот очутился в его каюте, знает, как тот томится, все знает, а помалкивает себе и похихикивает. А отец Феофил? Уж ему-то, казалось бы, совсем ни к чему всякие карты да иносказания, а ведь и он тоже ходит вокруг да около, петляя, правда, не столь хитроумно.

«А не игра ли это?» — вдруг подумалось мне.

В памяти сразу всплыла давняя картина. Вологодское вербное село на песчаном откосе Комелы. На бревнах возле колодца каждый вечер собираются старики. Дымят «козьими ножками», покашливают. Но это только для затравки. Кто-то, будто между прочим, выскажет мнение, что, скажем, ни один заяц не попадет более в капкан, если шкурку с пойманного сдираешь не хоронясь, а при всем народе. Другой ответит бывальщиной, третий — прибауткой, четвертый — пословицей. И пойдет и пойдет. А мальцы стоят поодаль, слушают, набираются мудрости.

Так и идет эта игра, пока совсем не стемнеет. Расходятся, довольные собой и другими, отведя душу, никого не обидев, себя показав, но и на других поглядев. То живое, прекрасное, вечное, что окружает с детства, и просится наружу, и находит наконец выход в такой вот полушутейной беседе, в дудке пастуха или в берестяном лукошке, в затейливом кружеве или чернении по серебру.

Игра-то игрой, но Перхушкову от этого не легче! Должно быть, есть тут и какое-то иное значение. Иначе зачем бы Егору Ивановичу делать вид, будто не понимает он того, чего от него хотят?

С реки тянуло холодком. Засиделся я, видно, долгонько, на палубе уже никого не было. Тихо ворчала, словно жалуясь, что ее потревожили среди ночи, вода за бортом.

Однако в коридоре я заметил необычное оживление. Пробежали две проводницы, взволнованно переговариваясь на ходу. Матрос протащил ведро с горячей водой. В дальнем углу мелькнул белый халат Веры Аркадьевны.

Степан Васильевич лежал с книгой в руках.

— А у нас происшествие,— сообщил он, позевывая.— Видели офицера из пятой каюты? Майор, кажется. Так вот, у его супруги начались роды.

— Все будет хорошо,— сказал я.

Уснул я сразу.

Утром меня разбудили голоса за стеной. Ох и поспал же я: часы показывали полдесятого. Сквозь жалюзи опять пробивалось солнце. Отменной погодкой балует нас Сухона, честь и хвала ей!

Выйдя из каюты, я увидел, что соседняя дверь открыта. Голоса стали слышнее. Я заглянул. Егор Иванович, поигрывая пальцами по столу, что-то хорохористо выговаривал Перхушкову, а тот стоял перед ним, опустив голову.

— А-а, это ты? — отвлекся мастер, заметив меня.— Скажи ты ему,— кивнул он на Перхушкова,— ладно так или нет? Скажи, чего надо сделать, когда человек на свет является?

— Кто является? — удивился я.

— У майора сын родился,— хмуро выговорил Перхушков.

— Вот, вот,— подхватил Егор Иванович.— Скажи ты ему, чего младенцу надобно?

— На зубок,— засмеялся я.

— А чего?

— Серебряную ложечку, например.

Перхушков поднял голову. Его хмурое круглое лицо просияло.

— Есть у меня серебряная ложечка,— обрадованно заявил он.

— Покажи,— приказал Егор Иванович.

Перхушков порылся в чемодане, достал что-то, молча передал Егору Ивановичу. В руках мастера тускло блеснула маленькая, изящная вещица. Я заглянул через плечо Перхушкова. Мастер держал ложечку тыльной стороной, рассматривал нанесенный на ней тонкий темноватый орнамент. Он смотрел на него как-то по-своему: то одним глазом, то другим, как петух смотрит на зерно, прежде чем его склюнуть.

— Сам? — взглянул он наконец на Перхушкова.

— Сам, Егор Иванович.

Мастер торопливо потянулся за панамкой. Я пошел за ними в некотором отдалении. Оба подошли к каюте майора и постучали. Майор вышел, вид у него был счастливый и растерянный. Егор Иванович что-то сказал ему, поклонился и протянул руку. Майор засмущался, замахал руками и вдруг порывисто обнял старика.

Я незаметно скрылся.

Отец Феофил хлопотал возле своего буфета. Похлопал себя по лбу, покривился.

— Блажит мухоморище-то? Придуривается?

— Все в порядке,— сказал я.

— Неужто проняло? — удивился он.— Кто ж его?

— Младенец. И серебряная ложечка.

Он ничего не понял и захлопал опухшими глазищами.

* * *

В Вологду мы прибыли под вечер. Пока я бегал попрощаться с отцом Феофилом, пассажиры уже успели сойти на берег. Исчез мой таксатор, опустела и соседняя каюта. У меня защемило на сердце: вот и еще одна хорошая встреча, от которой останется лишь смутное сожаление, будто ты чего-то недоглядел и тем непростительно обеднил самого себя.

Я вышел на дощатый помост речного вокзала. Была обычная дорожная толчея. У тележки с квасом стояла очередь. Торопиться мне было некуда, и я пристроился тоже. Дородная продавщица ловко наполняла кружку за кружкой, не перекрывая крана. Под ногами ожидающих растекался золотистый ручеек.

И вдруг я увидел моих попутчиков. Какой-то солидный дядя в пенсне с золотыми дужками вел Егора Ивановича, бережно поддерживая его под локоток. Немного позади два носильщика, точь-в-точь похожие на устюгских молодцов, тащили тяжелый сундук, а еще подальше вышагивал Перхушков.

Я проследил за ними. Поднявшись по ступенькам на Советский проспект, они остановились возле поджидавшей машины. Дядя в пенсне усадил Егора Ивановича на заднее сиденье, распорядился, чтобы сундук запрятали в багажник, расплатился с носильщиками и уже тогда уселся рядом с шофером сам. Машина тронулась. Перхушков помахал вслед, и видел, как из окошка высунулась на миг белая панамка.

Перхушков спустился обратно на пристань. Постоял некоторое время в раздумье, открыл чемоданчик и заглянул в него, затем решительно направился к билетной кассе. С лица его не сходила рассеянная улыбка.

Меня он не заметил.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕНИНИАНЫ

Сырбай МАУЛЕНОВ

О Ленине я думаю. Такая
Идет молва в родных местах
сейчас.
— Ты знаешь,— слышу я,—
Он был в Тургае,
В таком-то зале выступал у
нас..
По тем вон улочкам, дворам,
квартирам
Он шел, звал в бой, спасал нас
от беды.
Встречался он
С Джангильдиным-батыром,
Вождя сопровождал
Амангельды.
А люди... люди все к нему
с любовью!
И слезы, и цветы, оваций вал...
И вот теперь
Мы спорим меж собою
Про номер дома, где он
ночевал.
Навряд ли вождь — уж скажем
откровенно —
В Тургае был, у земляков моих.
Но как прекрасна
Искренняя вера
В словах, что Ленин побывал
у них!

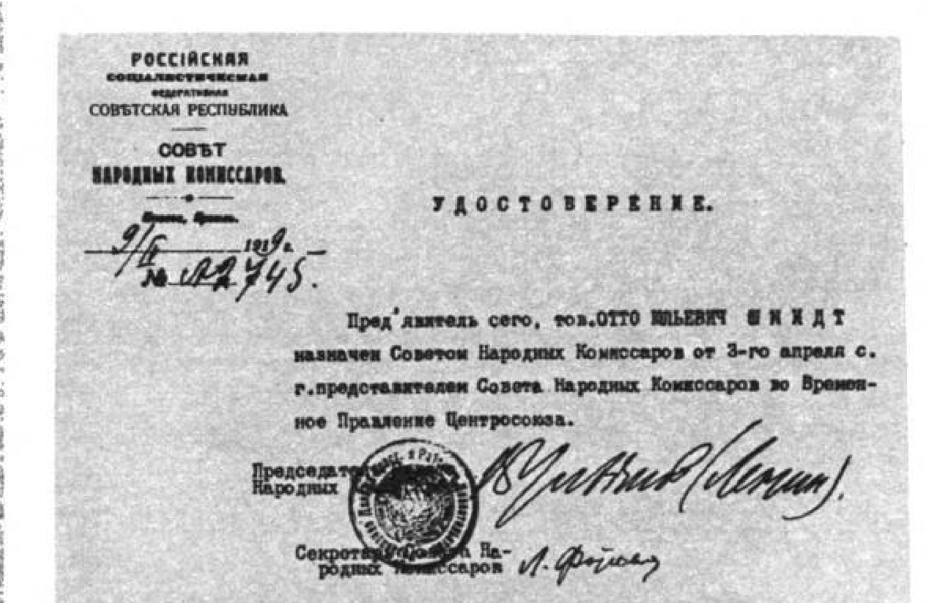
**Перевел с казахского
Александр Коренев.**

Гусейн ГУСЕЙНЗАДЕ

Когда явился он на свет,
Была весна,
Сиял апрель,
А в душах у людей тех лет
Была зима,
Мела метель.

Когда простился с жизнью он,
Была зима:
Январь и снег.
Но поколеньям всех времен
Весну оставил он навек.

**Перевел с азербайджанского
Анисим Кронгауз.**

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

СОВѢТ
НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Москва, Кремль.

9/IV 1919 г.
№ 2745.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Пред'явитель сего, тов. ОТТО ЮЛЬЕВИЧ ШМИДТ назначен Советом Народных Комиссаров от 3-го апреля с. г. представителем Совета Народных Комиссаров во Временное Правление Центросоюза.

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Секретарь Совета Народных Комиссаров Л. Фотиева

За подписью Ленина

М. ВЕСЕЛИНА,
научный сотрудник Института марксизма-ленинизма

В центральном архиве Института марксизма-ленинизма есть фотокопия одной скромной, ничем не примечательной книги[1]. Тонкий поблекший переплет. Страницы, разграфленные на столбики. Порядковые номера, даты, фамилии и цель направления. Словом, обыкновенная книга регистрации удостоверений. Что, казалось бы, она могла нам дать? О чем могли рассказать сухие, ничем не привлекательные на первый взгляд строчки канцелярских записей? И книга долгое время лежала без внимания. Но вот ее коснулись руки историков...

Книга начата 3 (16) ноября 1917 года, через неделю после Октябрьской революции. Закончена книга 26 января (7 февраля) 1918 года, на восьмидесятом дне существования Советской власти. Само по себе это многозначительно. Кем были первые полномочные представители государства рабочих и крестьян, облеченные доверием самого Ленина? Ведь многие документы подписывал Владимир Ильич. Как были выполнены задачи, которые возлагались на этих людей, что донесли они до нас о Владимире Ильиче Ленине?

За неполных три месяца было выдано 103 + 30 мандатов и удостоверений, говорит книга.

Удостоверение № 1 было выдано 3.XI т. Андриановской. Ей поручалось обойти все военные отделы Смольного института и собрать сведения о газетах... Документа пока нет на хранении в архиве, и мы ничего не знаем о его исполнении. Но нам хорошо известно, что 26 октября (8 ноября) 1917 года по постановлению Военно-революционного комитета за контрреволюционную агитацию были закрыты буржуазные газеты «Речь», «День» и другие. Известно, что на другой день Совнарком принял декрет о печати. 4 (17) ноября на заседании ВЦИК выступил В. И. Ленин с проектом резолюции большевистской фракции о безоговорочной поддержке Совнаркома. В этом проекте говорилось, что временное революционное правительство назначает Следственную комиссию для расследования связей периодических изданий с капиталом.

Книга регистрации сообщает о том, что 11.XI было выдано удостоверение Н. И. Подвойскому о назначении его заместителем Народного комиссара по военным делам. Поведала она о выдаче документов Н. П. Горбунову, А. С. Бубнову, П. И. Стучке, Якову Иванову — «о назначении его личным секретарем Владимира Ильича Ульянова (Ленина)», «красногвардейцам П. Никифорову и А. Акимову о том, что они действительно находятся на ответственной работе при Управлении Делами Совета Народных Комиссаров» и многим, многим другим.

Короткие и скупые строчки документов были чрезвычайно дороги тем, кому они выдавались. Был ли это мандат, удостоверение или назначение, стоял ли на нем штамп Совнаркома или Совета Труда и Обороны, но подписывались они Председателем Совета Народных Комиссаров РСФСР Владимиром Ильичем Ульяновым (Лениным). Михаил Сергеевич Кедров, вспоминая об одном таком удостове-

[1] Книга хранится в центральном государственном Архиве Октябрьской революции.

ПРАЗДНИЧНЫЙ НАРЯД ГОРОДА

Человек, который прибывает в Омск самолетом, едет в город по новому мосту через Иртыш. Затем его принимает в свои широкие объятия Ленинградская площадь — почти завершенный архитектурный ансамбль. А всего четыре года назад здесь была окраина, стояли маленькие покосившиеся домишки.

— Если вы не были у нас несколько лет, считайте, что не знаете Омска,— говорит главный архитектор города Борис Владимирович Антипов.— Сейчас наш город словно шагнул к Иртышу, на его заболоченные берега намыли грунт и построили тут комфортабельные многоэтажные жилые дома. Соорудили набережную с красивыми скверами-цветниками. На месте деревни с символическим названием Захламино, которая располагалась за городской свалкой, сверкает теперь витринами магазинов проспект Мира.

Проектируя новые дома и целые жилые районы, мы, архитекторы, стараемся смягчить суровую сибирскую природу яркими, радостными красками. Поэтому даже уличные фонари, которые все привыкли видеть такими унылыми, мы делаем разноцветными.

Пожалуй, наиболее удачным ансамблем Омска получилась Ленинградская площадь. Генеральный план ее составлял архитектор Е. Степанов. Площадь окаймляют восемь многоэтажных жилых домов. Здесь открыты самый большой в городе книжный магазин «Наш друг», ювелирный — «Березка», кафе «Ленинградское», магазин подарков «Радость». На этой же площади самый счастливый дом нашего города — Дом бракосочетания, с танцевальным залом и кафе, где можно отпраздновать торжество.

Большое внимание мы уделяем озеленению своего города. Ленинградскую площадь, например, окружили декоративные кустарники, а въезд на мост — сосны. Их зелень и зимой придает праздничный вид нашему Омску.

А. ГОЛИКОВ

В этой парикмахерской ребятишки никогда не плачут.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

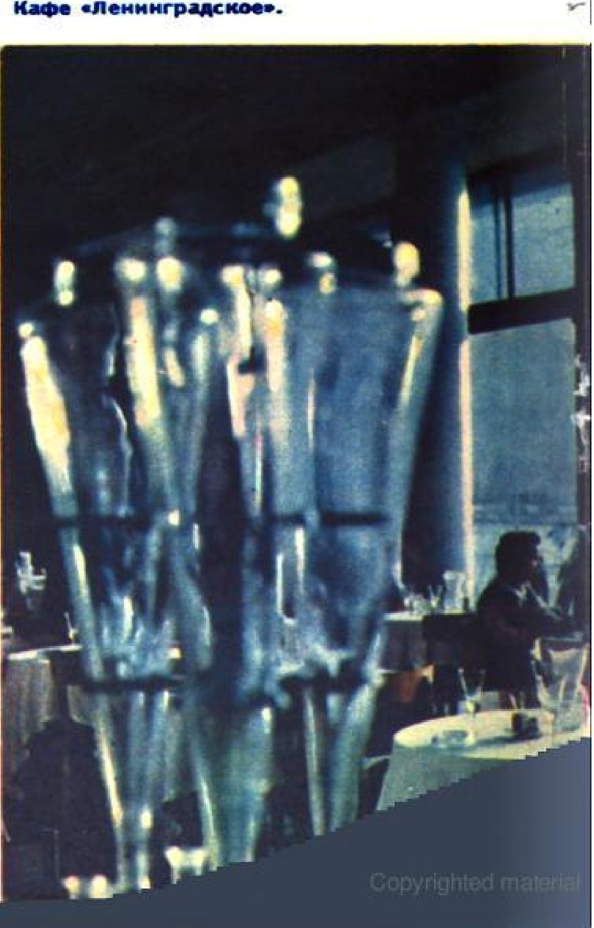

Ленинградская площадь.

И суровой сибирской зимой в магазине есть живые цветы.

Кафе «Ленинградское».

Часы со световой рекламой.

«Наш друг» — так назван книжный магазин на Ленинградской площади.

рении, хранившемся у него, пишет: «Множество раз я держал перед глазами этот документ. Вглядывался в драгоценную подпись, каждую букву ее, каждую черточку. Изучал всякую мелочь удостоверения. И бумага, и чернила, шрифт, печать, подпись начинали говорить и лучше всяких слов повествовали о давно минувшей эпохе...» Кедров—член РСДРП с 1901 года. В 1904 году участвовал в подкопе под Таганскую тюрьму для освобождения Н. Э. Баумана, Е. Д. Стасовой, Ф. В. Ленгника и других заключенных. В 1905 году — один из организаторов боевых дружин. Неоднократно сидел сам в тюрьме и был в ссылках. В годы гражданской войны командовал Северо-Восточным фронтом.

К сожалению, не все документы дошли до нас. Многие пока еще не найдены, а может, и безвозвратно утеряны. Из 133 документов, записанных в книге 1917—1918 годов, пришло в архив только 36. После Великой Отечественной войны за год в наш институт в среднем поступает около ста телеграмм, писем, докладов, записок, речей, фотографий В. И. Ленина. Среди них много мандатов, удостоверений. Их приносят сами обладатели этих документов, их родственники, дети и близкие. Часто находят документы работники архивов.

В прошлом году была обнаружена фотокопия удостоверения А. Е. Бадаеву, выданного ему 19 мая 1921 года как председателю Москоммуны, члену ВЦИКа, с предписанием всем органам Советской власти оказывать полное содействие в организации заготовок товаров для населения столицы. На фотокопии стоит штамп Ленинградского архива Октябрьской революции. Но в фондах этого архива подлинника документа не оказалось.

Бывают и такие случаи: известно по печатным источникам, по воспоминаниям очевидцев или самих участников событий, что существовал документ, подписанный В. И. Лениным. Но найти его не удается. Так, мы знаем, что в августе 1918 года группа рабочих Выборгского района Петрограда была послана В. И. Лениным в Тамбовскую и Симбирскую губернии за хлебом для рабочих. Владимир Ильич, напутствуя отряд, просил сообщать о настроениях крестьян непосредственно ему или Я. М. Свердлову. Всем товарищам были выданы одинаковые удостоверения. Совет Народных Комиссаров уполномочивал их действовать «...в прифронтовой полосе для организации продовольственных отрядов, выступать как политический комиссар при военноначальниках». Всем советским и военным властям предписывалось оказывать им «всяческое содействие без замедления».

До последнего времени в архиве хранилось удостоверение только одного выборжца, Ивана Дмитриевича Чугурина. Иван Дмитриевич Чугурин — это тот самый «товарищ Петр», который в день приезда В. И. Ленина из-за границы 3(16) апреля 1917 года вручил ему партийный билет № 600 от большевистской организации Выборгской стороны. Ленин в нем узнал старого товарища, бывшего ученика большевистской школы в Лонжюмо.

Недавно в архив поступил еще один ленинский мандат из числа тех, что были выданы группе рабочих-выборжцев. Его принес нам сам владелец мандата — старый большевик Иван Алексеевич Попов.

В прошлом году из Музея революции поступило к нам на хранение удостоверение за № 17453 от 9 сентября 1920 года, выданное на имя Васильева. Удостоверение необычное: оно подписано, кроме Председателя СНК В. И. Ленина, еще Председателем ВЦИКа М. И. Калининым, заместителем наркома продовольствия Н. П. Брюхановым, председателем Верховной комиссии Наркомпочтеля А. М. Любовичем, секретарем ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинским, заверено печатями всех пяти организаций, сильно потерто и даже порвано. Предъявитель его тов. Васильев был командирован «в Симбирскую губернию для ответственного руководства заготовительной кампании 1920—1921 гг.» в качестве председателя Симбирского губпродсовещания. Ему предоставлялось «право делать распоряжения по объединению работ всех местных органов Советской власти, направленной к усилению заготовительной деятельности продорганов». Он мог требовать исполнения «всех его (Васильева) распоряжений, касающихся продовольственного дела», он мог мобилизовывать всех советских работников и отменять постановления местных органов, «которые противоречат продовольственной политике центра», мог отстранять от должности и предавать суду тех, кто дезорганизовал работу продорганов. В то же время предлагалось «всем учреждениям, организациям оказывать т. Васильеву незамедлительно всяческое содействие при исполнении возложенных на него поручений».

Кто же этот товарищ Васильев? Как попал в музей его документ? Оказывается, еще в 1957 году это удостоверение передала музею дочь старого большевика Михаила Ивановича Васильева-Южина. Интересны этапы его пути. Родился Михаил Иванович в 1876 году. С 1896 года — участник марксистских кружков. В 1904 году — один из руководителей Бакинской стачки. Сотрудничал в газетах «Вперед» и «Пролетарий» и подписывался М. Южин. В конце 1905 года по заданию В. И. Ленина поехал в Одессу на помощь восставшим матросам броненосца «Потемкин», участвовал в декабрьском вооруженном восстании в Москве.

«До революции 1917 года подвергался аресту и сидел в различных тюрьмах 11 раз, в общей сложности около трех лет. В ссылке был дважды» — так писал он позднее в своей биографии. В октябре 1917 года—один из руководителей установления Советской власти в Саратове. В 1919—1921 годах — член коллегии НКВД. «Мне была поручена организация Советской милиции, во главе которой я стоял до марта 1921 года.

В то же время Центральный Комитет партии давал мне ответственные поручения, как и всем старым членам партии.

В 1920 году я был командирован ЦК партии и ВЦИК в Симбирскую губернию...»

Документы Центрального партийного архива позволили узнать некоторые подробности, связанные с удостоверением № 17453.

...В конце августа 1920 года Центральный Комитет РКП(б) разослал всем губкомам РКП(б) письмо, названное «К продовольственной кампании». В нем говорилось: «Дорогие товарищи! Засуха сильно отразилась на урожае текущего года. Общий сбор хлебов предполагается ниже предыдущих годов.

...Это обстоятельство, а также медленно налаживающаяся советская работа на юге республики требуют особого внимания к продовольственной заготовительной кампании текущего года». В письме подробно излагалось, каким образом должны действовать советские организации и все население, чтобы избежать последствий засухи. В помощь местным советским и партийным организациям был послан товарищ Васильев — в Симбирскую губернию. Такие же представители с такими же документами в сентябре 1920 года поехали в Тульскую, Орловскую, Уфимскую, Гомельскую, Челябинскую, Екатеринбургскую, Тамбовскую губернии и в Сибирь. Пока известны только эти губернии, но, может быть, обнаружатся другие материалы и можно будет узнать о новых фактах.

Возвратившись, все товарищи, посланные В. И. Лениным, побывали у него и рассказали о работе и своих впечатлениях. Вернулся в Москву из Орловской губернии и сразу был приглашен к Владимиру Ильичу Н. А. Милютин, имевший «обширный мандат», как он сам его назвал (и почти не отличающийся от удостоверения, выданного М. И. Васильеву).

Обо всем рассказал Ленину уполномоченный: о трудностях, о трениях с военными руководителями, о тактике на селе, о действиях продотрядов, об организации столовых для бедноты. Вскоре Милютина послали с таким же мандатом в Воронежскую губернию. И снова Ленин расспрашивал его обо всем, что делается на местах. Н. А. Милютин рассказал ему об опыте создания крестьянских комитетов взаимопомощи, организованных уже к тому времени в Мценском уезде Орловской губернии. Ленин предложил ему обдумать это, посоветоваться с другими работниками Наркомпрода, а потом и с крестьянами Московской губернии. «Пойдите в Московский Совет профсоюзов, возьмите там несколько человек, пошлите их в разные деревни, неподалеку. Проинструктируйте их предварительно, как вы думаете наладить это дело. Пусть они соберут сходы, расскажут о комитетах своими словами. Все, что скажут сходы, пусть запишут. Важно мнение крестьян. Сами вы не ездите. Ведь на местах придется проводить все рядовым работникам, а вы хоть кого уговорите. Вот и меня почти уговорили. Через недельку соберите их всех, разузнайте хорошенько, что скажут мужики. Потом зайдете ко мне и расскажете».

Так обсуждал В. И. Ленин все дела, касающиеся крестьянского хозяйства, так готовился к выступлению на X съезде РКП(б), предложив продразверстку заменить продовольственным налогом, так появился декрет СНК об организации крестьянских комитетов взаимопомощи.

О многом могут рассказать ленинские мандаты. Но, к сожалению, сотни таких документов еще не найдены. Мы как-то составили картотеку отсутствующих мандатов и удостоверений, подписанных Лениным, выданных на основании постановлений СНК и СТО в 1919—1920 годы. Набралось 360 документов. Есть и очень знакомые и совершенно неизвестные фамилии. Числятся отсутствующими удостоверения П. А. Богданова (председателя ВСНХ), Л. Б. Красина, В. В. Куйбышева, Вениамина Михайловича Свердлова, Н. А. Семашко и многие другие, а за В. А. Аванесовым — целых три. И вдруг среди этих фамилий — Шмидт О. Ю. Против фамилии написано: представитель СНК во временное правление Центросоюза. Дата выдачи — 9 апреля 1919 года. Академик Отто Юльевич Шмидт— начальник экспедиции по спасению челюскинцев, начальник первой в мире научной станции «Северный полюс» — когда-то работал в Центросоюзе.

После смерти Отто Юльевича в его бумагах было обнаружено не только это удостоверение, но и еще 8 документов В. И. Ленина. О. Ю. Шмидт был членом коллегии Наркомпрода и принимал участие в составлении декрета о потребительских коммунах, был членом коллегии Наркомфина, потом председателем Главного комитета профтехнического образования Наркомпроса, и все это в 1918—1921 годах. Такой боевой была молодость ученого.

А вот еще один замечательный документ. Он был выдан 27 августа 1918 года за № 2495 Константину Алексеевичу Попову и был необычен по форме. Назывался он «Открытое предписание». Им подтверждалось, что Попов — помощник начальника работ по орошению Зеравшанской долины. Ввиду особо важного государственного значения ирригационных работ в Туркестане Совет Народных Комиссаров предписывал всем учреждениям и должностным лицам оказывать К. А. Попову «возможное содействие по всем вопросам, возникающим в связи с производством означенных работ...»

В каждом из ленинских мандатов, написанных то сжато и коротко, то более пространно, раскрывается пафос первых дней революции, и сегодня они предстают перед нами как памятники великой и довольно далекой для нас уже эпохи. Посмотрите, как торжественно звучат слова полномочия, выданного в свое время Л. Б. Красину, первому Народному комиссару внешней торговли. В нем на основании декрета Совнаркома Народный комиссариат внешней торговли Российской Социалистической Федеративной Советской Республики поручает «...Леониду Борисовичу Красину организацию и ведение за пределами Р е с п у б л и к и, где надобность укажет и возможность будет, внешней торговли и товарообмена, для чего уполномочивает его...».

Этот документ выдан 25 марта 1920 года.

Короткий рассказ о мандатах, подписанных Владимиром Ильичем и врученных рабочим, крестьянам, наркомам, особоуполномоченным, представителям различных организаций, должен быть продолжен не только историками и исследователями, но и самими участниками и свидетелями героического прошлого.

В тайге.

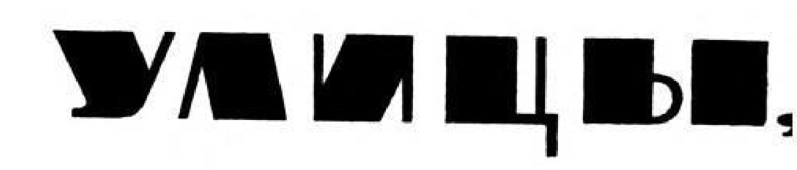
Фото Я. РЮМКИНА.

2

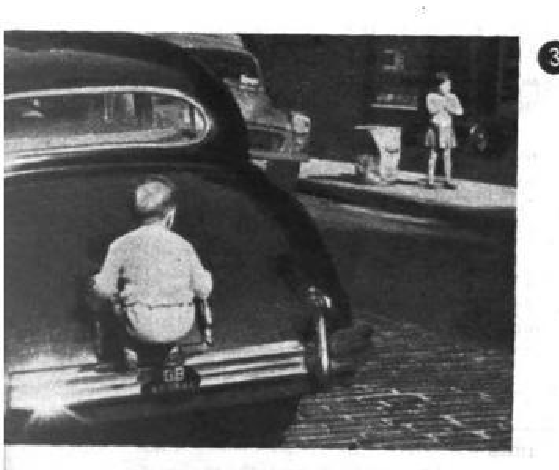
1

Лев БОРОДУЛИН,
Генрих ГУРКОВ,
Евгений УМНОВ

УЛИЦЫ,

3

4

5

6

7

8

Улицы как люди. Они могут быть мрачными и искрящимися весельем, заносчивыми или разбитыми. Они могут застегнуться на все пуговицы и все замки, а могут открыть душу и двери. Они могут быть молчаливыми и разговорчивыми. Как люди. Может быть, потому, что улицы — это и есть люди...

Как познакомиться с ними?

Когда приезжаешь в чужой город, сразу встает такой вопрос. Особенно настойчивый, если много читал и слышал об этом городе, если видел фильмы и листал фотоальбомы, если составил себе, как считаешь, твердое представление о нем. Как проверить это представление?

Наверное, самое лучшее — отправиться побродить по городским улицам. Побеседовать с ними. Послушать их рассказ.

Итак, слово улицам Лондона!

1 **Британская столица сразу же разрушает одну из самых распространенных легенд — о знаменитых туманах, которые принято считать такой же постоянной достопримечательностью города, как «Биг Бен», мост Ватерлоо или музей восковых фигур. Но можно, оказывается, жить в Лондоне месяц и больше и так и не увидеть туманов. Погода будет солнечной, небо ясным, без единого облачка. Впрочем, если даже в такую погоду забраться на верхние этажи высотного здания компании «Шелл», откуда сделан этот снимок, узнаешь не очень-то много. Отсюда, сверху, плохо слышен разговор улиц. Спустимся лучше на землю!**

2 **— Пожалуйста, купите путеводитель.. Вы сразу узнаете Лондон!**

Спасибо, мадам, но Лондон путеводителей, Лондон для туристов мы давно знаем. Букингемский дворец, заводные гвардейцы в мохнатых шапках, рванувшаяся в небо колонна Нельсона, игрушечный, совсем не страшный Тауэр...

Нет ли у вас другого путеводителя, мадам? По живому, не музейному Лондону. Чтобы он рассказывал не о дворцах, соборах и крепостях, а о человеческих судьбах, о радостях и печалях, о жизни, долгой и не всегда легкой.

Они не изданы, такие путеводители. А жаль. Не правда ли, мадам?

3 **Две буквы на автомобильном номере: «GB» — «Great Britain», Великобритания. Вот и все, что здесь английского, лондонского. Сюжет интернациональный. И если мама сейчас снимет сорванца с багажника машины, то последствия для него будут примерно такие же, как если бы дело происходило в Нью-Йорке, Варшаве или Москве...**

4 **Человек этот вышел на улицу не потому, что перехватил стаканчик эля и захотел поделиться хорошим настроением с прохожими. Нет. Просто у человека нет работы. Никакой. А нищенство в Англии, как известно, строго запрещено. Иное дело — свободный товарообмен: музыка — его, шиллинги — прохожих. Если, конечно, их бросит кто-нибудь. Только все почему-то спешат, спешат.**

Остановитесь, господа! Послушайте музыку. Это же весело, очень весело!

5 **Говорят, что в этом кабачке на Нортумберлэнд-стрит любил посидеть прославленный сыщик Шерлок Холмс. А может, это просто слух, который пустил полвека назад некий мистер Конан Дойль? Он ведь был большой выдумщик.**

9

10

ЛЮДИ, ЛОНДОН ▶

6 **Нарушитель закона. Он не играет на аккордеоне, не поет. Он даже не продает спички. Он просто просит милостыню. Плохо ему придется, если его увидит полицейский. А сам он полицейского увидеть не сможет. Он слеп.**

7 **В уголке ораторов в Гайд-парке каждый может говорить, что пожелает. Хотя есть оговорки: во-первых, нельзя оскорблять королеву, во-вторых, — произносить безнравственные речи и, в-третьих, — выступать против существующего строя. А так — пожалуйста, говорите все, что вздумается!..**

8 **Внимательные слушатели.**

9 **Нельзя сказать, что это самый распространенный в Лондоне способ передвижения. Или самый дешевый. Но верховая езда — традиция. Разумеется, не у грузчиков с Темзы.**

10 **А вот это самый распространенный способ передвижения — метро, или, иначе, подземка. Не самый удобный, скажем прямо. Особенно в часы пик. Но что поделаешь!..**

11 **Куда дальше, дорога?**

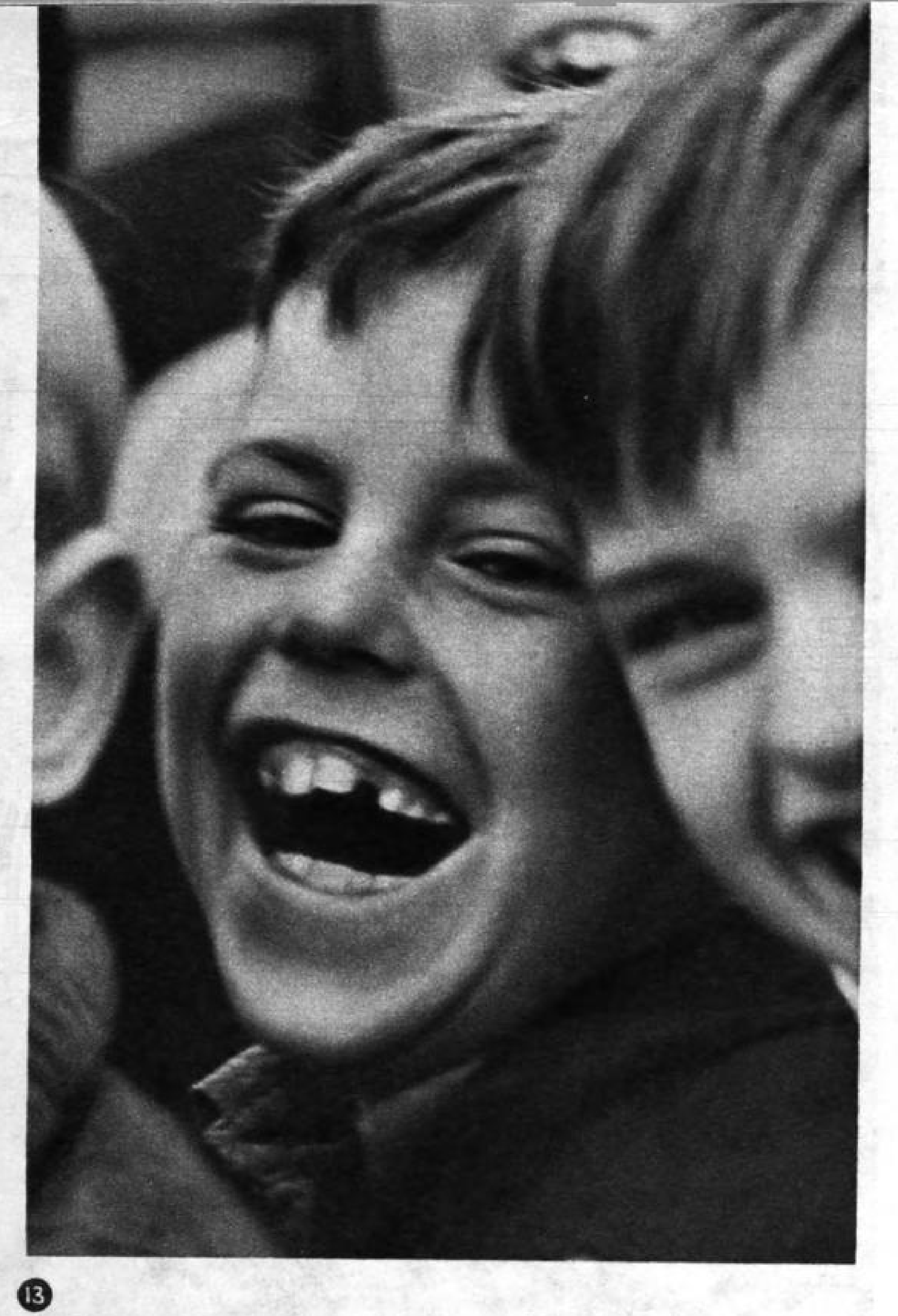
12 **Кто придумал, что англичане — сухой и чопорный народ?**

11

12

13

14

16

15

13 В десять лет легко быть оптимистом.

14 В шестьдесят — труднее...

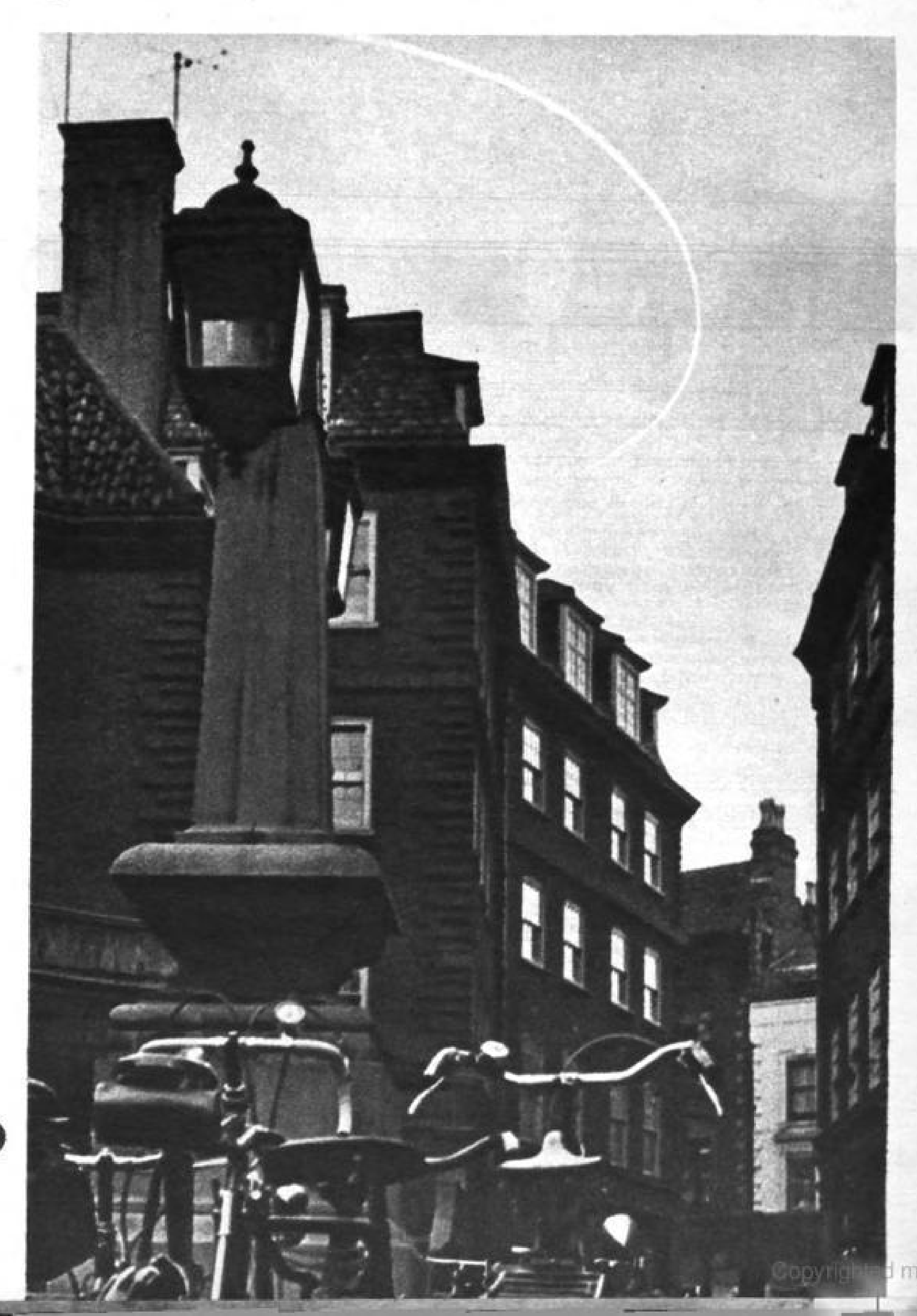
15 Это не люди, это манекены. Пошли дальше: они нам ничего не расскажут.

16 Гвардейцев в мохнатых шапках мы все-таки встретили.

17 Смелый и энергичный росчерк самолета в голубом небе над старым городом. Красиво...

А вот англичанам не нравится. И не потому, что у них какие-то особенные эстетические идеалы. Дело тут не в эстетике. В воздухе фокусничает американский бомбардировщик с ядерным грузом на борту...

Кажется, кто-то сказал «красиво»?

17

Обзор писем

День субботний и эстетика

Наш журнал статьей писателя Льва Кассиля «Воскресенье и по обе стороны от него» начал разговор об эстетическом воспитании детей.

Большим будет этот разговор или маленьким, взволнует ли наших читателей, кто на него откликнется, какой круг тем затронет — эти и многие другие вопросы вставали перед нами. И вот закончился 1963 год, прошла половина учебного года, а разговор, кажется, только еще разгорается. Выводы делать рано, и, как всегда бывает в воспитании, рецепты давать нельзя. Одно бесспорно: что разговор идет более широкий и емкий, чем мы предполагали.

Постоянные читатели нашего журнала знают, что в эту беседу включились народные художники С. Т. Коненков и М. С. Сарьян, профессор музыки Рихо Пятс; выступали пионеры и учителя, журналисты и родители.

Сейчас мы хотим немного рассказать о тех, кто за последнее время принял участие в нашей дискуссии, кто прислал письма и поделился с нами своими мыслями и делами, наблюдениями, воспоминаниями.

Вот письмо слесаря Евгения Богданова. Он ученик школы рабочей молодежи, озабочен воспитанием своей маленькой дочки.

«Мне кажется, — пишет он, — вкус к искусству нужно воспитывать с пеленок, с того момента, как ты дал ребенку первую игрушку и прочел первую книжку».

Очень правильно пишет о воспитании вкуса тов. Богданов. Он подвергает резкой критике некоторые рисунки в детских книжках да и сами сказки, справедливо замечая, что и книжки, и игрушки, и картинки зачастую не только не воспитывают вкуса наших детей, а, напротив, портят его и наносят непоправимый вред воспитанию.

Создается порой впечатление, что работают над этими вещами застарелые, ярые холостяки, которые не любят детей и совершенно их не знают! Настолько создатели игрушек и картинок не учитывают психологии детей, их интересов, их восприятия. Непонятен прежде всего возраст, на который рассчитана подобная продукция.

Конечно, у нас есть хорошие книжки для ребят различного возраста, и немало. Хорошие, талантливые, серьезные люди иллюстрируют их. Но часто можно видеть у киосков в «Детском мире» родителей, растерянно разводящих руками: «И не поймешь, что здесь нарисовано!»

А ведь к литературе и к рисункам для детей надо подходить еще более требовательно, чем к книгам для взрослых: ведь у взрослых вкус уже сформировался. Кроме того, читая книгу, взрослый человек сам представляет внешность героя и просто не воспримет рисунок, не соответствующий его видению, — в том случае, конечно, если художник его не переубедит. А ребенок запомнит Мойдодыра обязательно с тазом на голове и носом-краном по рисунку Конашевича, либо Тома Сойера таким, каким увидел его художник Горяев...

Иллюстрация в детских книжках — это тема отдельного большого разговора. Но мы хотим, чтобы к сигналу тов. Богданова прислушались работники детских издательств, памятуя о словах Станиславского, сказанных про театр для детей, что он должен быть таким же, как и для взрослых, только лучше.

Это ведь означает, что искусством для детей могут заниматься только те, кто хорошо знает детей, любит их и видит в деле их воспитания свое жизненное призвание.

Об одном таком хорошем человеке из города Выкса написал нам Михаил Шумович:

«Накануне войны мы, кому жизнь отсчитывает теперь уже пятый десяток лет, были мальчишками и девчонками.

Учились в школах, гоняли футбол, безмерно были преданы чудесным выксунским лесам и красавцам прудам, ну и, как всякие мальчишки, не прочь были помериться силой друг с другом. Но сказ не об этом. О том, что на нашем пути встретился большой педагог, воспитатель и человек. Мы между собой его звали Владимирычем; полное же имя — Владимир Владимирович Варнаков. Он был не учителем, а актером, игравшим на подмостках многих театров дореволюционной России.

Когда же появились такие понятия, как «дворец пионеров», «рабочий клуб», «дом культуры», Владимирыч ушел с профессиональной сцены в самодеятельность, отдав ей талант незаурядного режиссера и воспитателя. Трудно сказать, чему он уделял больше внимания: литературе, музыке, живописи или театру; работа велась настолько интересно и многогранно, что все происходящее в кружке составляло единый процесс воспитания чувств и понимания красоты в самом широком смысле этого слова».

Как напоминает этот рассказ то, о чем нам писал Степан Павлович Титов, отец космонавта! Он рассказывал о сельском учителе Топорове — человеке, который многим людям навечно заронил в душу любовь к прекрасному, работая в глухом алтайском селе, где даже кинопередвижки не было в помине, не говоря уж о театре. Все смог заменить детям один человек!

Так же работал и Варнаков, судя по рассказу его воспитанника:

«Нас интересовала история русского и зарубежного театра, его роль для людей в разные периоды человеческой истории. Мы по мере наших возможностей постигали технику актера, как учил Константин Сергеевич Станиславский. Репетировали и ставили спектакли. И даже сами писали пьесы.

Репетиции, пожалуй, были самым интересным в наших занятиях. И как много давал нам разбор образов! Мы потом щеголяли этим в школьных сочинениях.

Вероятно, здесь по-настоящему постигались Горький и Ибсен, Чехов и Шекспир — и то, что изучалось в школе, и то, что не входило в ее программы.

Владимир Владимирович любил музыку, играл на флейте. В городе, где не звучали еще в ту пору ни опера, ни симфонический концерт, он сумел привить нам вкус к хорошей, большой музыке. Концерты по радио, граммофонные записи, кино — все, что только могло помочь нам, использовал он для нашего музыкального образования.

Из нашей среды как будто бы не вышло актеров и художников. Большинство стало сталеварами, прокатчиками, электриками, учителями, врачами. Владимирыч и не стремился к иному... А вот мне довелось стать учителем. Многого я, может быть, не унаследовал от своего наставника, но занимался ли с ребятами филателией, создавал ли маленькую выставку репродукций картин Третьяковской галереи, бывал ли со своими питомцами в музеях или на выставках — всегда чувствовал рядом с собой Владимирыча и старался ему подражать.

Теперь же, когда эстетическому воспитанию придано такое внимание, хочется, чтобы всюду работали такие же энтузиасты, каким был Варнаков, и что бы им как следует помогали».

О помощи в вопросах эстетического воспитания пишут в редакцию многие педагоги.

«Я полагаю, что для каждого класса должна быть выпущена специальная, разнообразно построенная программа, а также учебные руководства для учителей, написанные художественно, интересно, с хорошими, красочными иллюстрациями»,— высказывает свои материнские и педагогические соображения Елена Владимировна Чельцова.

Приветствуя предложение о введении в школе субботнего дня специально для воспитания эстетики, она пишет:

«Конечно, каждый воспитатель может отклониться от программы в зависимости от условий и собственной подготовки в этой области. Но в основном каждый должен уже теперь, заранее знать, о чем он будет говорить с детьми и как воспитывать у детей чувство прекрасного».

Эту же мысль высказывает Софья Федоровна Репнова, преподаватель литературы из города Грозного.

«И живопись, и музыка, и кино, и новая книга,— пишет она,— все нам необходимо! И еще надо читать хорошие лекции для учителей.

Греха таить нечего, многие из нас слабо разбираются в музыке, в живописи. Я поддерживаю просьбу пионеров: дайте в школу уроки эстетики!

И интересные занятия о прекрасном в субботние дни можно и нужно проводить в нынешнем году, не дожидаясь каких-то изменений в учебной программе.

На помощь учителю должно прийти Министерство просвещения, институты усовершенствования, Академия педагогических наук, опытные педагоги.

Как бы хотелось, чтобы в каждом городе коллективы музыкальных школ, оркестров, театров, союзы художников и писателей уже теперь считали бы для себя совершенно обязательным почаще бывать в школах, помогать нам правильно вести работу литературно-драматических кружков, давать концерты в школах.

Чтобы вырастить и воспитать грамотного человека, в котором ВСЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕКРАСНО, необходимо привлечь к школе большую армию работников искусства».

К этому призыву нам остается только присоединиться.

ГАЙДАРОВСКИЕ СПЕКТАКЛИ

«Судьба барабанщика» — это не только далекие уже от нас события, пережитые Сережей Щербачевым... Замечательный писатель Аркадий Гайдар, а вслед за ним Центральный детский театр, показывая страницы жизни отважного Мальчиша, и сегодня многое говорят каждому детскому сердцу. Говорят о дружбе, о чести и долге. О преданности и верности... Качества, которыми наделен Сережа, и сегодня так же нужны всем ребятам, как в те давние героические дни.

На днях состоялась премьера спектакля «Судьба барабанщика» (инсценировка И. Романовича). Спектакль поставлен режиссером А. Некрасовой; художники В. Лалевич и Н. Сосунов. Заглавную роль исполняет Валентина Туманова.

И еще одна гайдаровская премьера — спектакль «Мальчиш-Кибальчиш» по инсценировке М. Светлова — идет в Московском кукольном театре.

Интересно оформление этого спектакля. Он сыгран деревянными куклами, изготовленными в манере русской народной скульптуры мастерскими театра. В роли Мальчиша — актриса Вера Грачева.

На снимках: 1) Сережа Щербачев в исполнении В. Тумановой. 2) Афишу кукольного театра тоже оформляли художники.

Фото Б. Фабисовича.

Вокруг грамплас

Вл. РУДИМ

Фото Е. УМНОВА.

ВСГ

Уже поздно, закончились спектакли, концерты. А в Большом зале консерватории еще горит свет. Почему? Оказывается, здесь, в тишине пустого зала, исполняется «Реквием» Д. Кабалевского под управлением автора. Но это не репетиция. Это рождается грампластинка. Запись ведет ВСГ — Всесоюзная студия грамзаписи.

Совершенные аппараты записывают музыку сначала на пленку. Затем в специальном цехе запись с пленки переводится на тондиск. А после тондиска появляется металлическая пластинка. Процесс сложный, тонкий, требующий не только опыта, времени, но и выдержки. Ведь иной раз приходится записывать на пленку до двенадцати вариантов одного и того же произведения, а потом из этих вариантов делать монтаж, вырезая неудачные места, выбирая наиболее совершенные... Когда мы беседовали с директором Всесоюзной студии грамзаписи Б. Д. Владимирским, почтальон принес телеграмму из Парижа. Директор фирмы «Шан дю Монд» Жан Руар телеграфировал: «Рады вам сообщить о присуждении Академией французской грампластинки Большого приза за наилучшее звучание в мире, за запись оперы «Борис Годунов» в Большом театре с Иваном Петровым, под управлением Мелик-Пашаева».

Одна из комнат Всесоюзной студии грамзаписи называется реставрационной аппаратной. Любители грампластинок — коллекционеры — здесь частые гости. Встретишь тут и Ивана Федоровича Боярского — он собрал более 8 тысяч пластинок. Самые редкие из них уже перезаписаны для серии «Русские певцы начала XX века».

В аппаратной реставрируют старые записи. Отсюда вышли многие новые пластинки с обновленными и возрожденными голосами. Однажды в архиве был найден искривленный, покрытый ржавчиной диск с голосом А. И. Куприна. Сколько настойчивости и находчивости потребовалось от реставраторов, чтобы восстановить речь писателя!..

ДОМ НА КИЕВСКОЙ

На фасаде здания большие буквы: «Дом грампластинок». Такую вывеску вы сможете встретить в Москве, Ташкенте, Ленинграде, Новосибирске, Киеве и Свердловске, Харькове, Куйбышеве и Риге.

Заглянем в Московский дом грампластинок, на Киевской улице. Здесь обычные административные термины приобретают совсем новое значение: директор дома Г. Л. Баскаков много лет увлекается музыкой, заместитель директора Б. Ф. Лившиу окончил оркестровое отделение музыкального училища имени Ипполитова-Иванова, старший товаровед Л. В. Пичугина играет на пианино, хорошо знает классику.

Нередко в музыкальном салоне собираются любители грамзаписей.

Идет запись на тондиск.

Их знакомят с новинками недели. Только что выпущена серия «Великие русские артисты», а вот второй выпуск серии «Потанцуем, друзья», вот пластинки, полученные из Болгарии, Польши, Франции, Чехословакии, с Кубы.

Недавно здесь был образован Совет любителей грампластинок. А их теперь уже так много, что решили создать в Москве Клуб любителей грампластинок!

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ГОРОД

О многом могут рассказать грампластинки. Жил-был в России немец Карл Молль. Выпускал эмалированную посуду. А разбогатев на посуде, купил с компаньонами под Москвой, в Апрелевке, три десятины земли и построил там фабрику граммофонных пластинок. Вот перед нами журнал «Граммофонный мир» от 1 сентября 1910 года. На первой странице — объявление о том, что пущена «новая русская фабрика граммофонной массы и специальной прессовки, торговый дом Молль, Фогт и Кибарт».

Едем в Апрелевку, где расположен завод. Еще живы ветераны завода Платонов и Тоболкин, которые помнят первые шаги и фабрики и поселка; называли его тогда не Апрелевка, а Преловка: много тут было болот. За десятичасовой рабочий день прессовщик давал около ста пластинок. Сейчас за семь часов — тысячу! Пластинка весила почти полкилограмма. Репертуар был расхожий: цыганские песни, хор ресторана «Яр», «Рассказ Никишки о потопе», «Ухарь купец»...

Сейчас Апрелевскому заводу идет пятьдесят четвертый год. Он давно уже не похож на старую фабричонку. Выстроены новые цехи, старые — реконструируются, после чего апрелевцы будут ежегодно давать до ста миллионов грампластинок!

И еще одна страница из истории завода: с самого первого дня и до недавнего времени пластинки делали на шеллаке, который импортировался из Индии. В Индии растет редкое растение, а на этом растении водится насекомое, выделяющее смолистое вещество — шеллак. Без него не выпускалась ни одна пластинка. Но вот группа инженеров Апрелевского завода во главе с Владимиром Михайловичем Хазанджи создала отечественную пластмассу. Потребность в шеллаке отпала.

Спрос на пластинки быстро растет и у нас и за границей. Для Всемирной выставки в Брюсселе завод сделал 10 тысяч пластинок, и все они очень быстро были раскуплены, а посетители выставки вновь и вновь спрашивали советские пластинки. Пришлось срочно досылать в Брюссель еще 60 тысяч штук.

Сегодня продукция завода расходится по всему миру. Куба и Турция, Болгария и Ливан, Япония и Камбоджа, Кувейт и Бразилия — 64 страны в списке заказчиков.

Только за один месяц отпечатано для Польши 70 тысяч, для США — 56 тысяч пластинок.

Все это поведала нам одна пластинка, поведала в прямом смысле этого слова. Дело в том, что есть такая необычная и редкая пластинка, которая называется «Прошлое, настоящее и будущее Апрелевского завода». Услышать ее могут многие: она имеется на Выставке достижений народного хозяйства в павильоне химической промышленности.

Делает завод и другие, специальные пластинки. Поставим на проигрыватель вот эту. Раздается чья-то бессвязная речь. Оказывается, это разговор двух психически больных. Пластинка «Схизофрения» предназначена для большой медицинской энциклопедии. А вот другие записи: «Сердцебиение плода», «Тоны сердца», «Дыхательные шумы». Специальными выпусками для энциклопедии заинтересовались и за рубежом: недавно пришло письмо из Греции с просьбой прислать такие пластинки...

Из-под прессов выходит все больше пластинок познавательного характера: изучение иностранных языков, производственная физкультура, лекции ученых для рыбаков, лекции-концерты для слушателей университетов культуры...

Нельзя уйти с завода, не познакомившись с его почтой. Анатолий Пронь, живущий на станции Соль, поздравляя «с Новым годом работающих на заводе и кто управляет всем заводом», сообщает, что ему «очень нравятся песни украинских и русских композиторов». После такого вступления следует главное: «Во втором письме вышлю список на 111 пластинок».

Слесарь Яковенко из Свердловска пишет: «Я очень уважаю музыку. Сообщите, нет ли новых пластинок с выступлениями Святослава Рихтера и Вана Клиберна».

Письмо с почтовым штемпелем Липецка: «К вам обращается радиослушатель и страстный любитель русской песни, бывший старшина, пограничник Иван Тимофеевич Бирюков». И, конечно, Иван Тимофеевич называет свои любимые песни.

«Привет из Нальчика! Моя сестра выходит замуж, поэтому прошу выслать несколько пластинок к ее свадьбе. Мария Варквасова».

Пишет священник: голос у него не очень подходящий для служб, просит сделать пластинку с молитвами. Бывают и телеграммы. Однажды пришла из Тбилиси такая: «Срочно вышлите 100 тысяч бродяг». Догадались: речь шла о песне из индийского кинофильма «Бродяга».

Подружки из Братска даже вложили в конверт два рубля. Завод, конечно, не может высылать пластинки по индивидуальным заказам. Но все же исключения бывают. Попало письмо двух подружек из Братска в руки секретаря отдела сбыта Любови Георгиевны Лагутовой. Пошла в магазин, купила пластинки и отправила в Братск...

Любимые песни, любимые симфонии, любимые оперы, любимые исполнители... Удовлетворить все заявки пока нет никакой возможности. Достаточно сказать, что магазины дали на 1964 год заказы, которые более чем в три раза превышают мощности всех наших четырех заводов грампластинок!

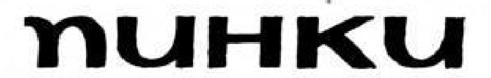
50 ТЫСЯЧ НОМЕРОВ

В заключение возьмем интервью у книги. Не всякая книга может говорить, но эта особенная: она вся из музыки, песен, диалогов и монологов. На яркой обложке — знакомый всем черный диск и слова: «Каталог грампластинок». Итак, послушаем, что расскажет каталог.

— Место моего рождения — Всесоюзная студия грамзаписи. Год рождения — 1963-й. Как видите, я очень молод. И в то же время весьма солиден: ведь я вобрал в себя все долгоиграющие пластинки — с самой первой, с самой ранней. Сколько же всего? Тысячи пластинок, исполнителей различных номеров, от целых опер до коротенького теньканья подмосковной пеночки. Ну, а если взять во внимание и обыкновенные пластинки, про которые я, конечно, наслышан, то всего будет свыше 50 тысяч номеров.

Мы уже собирались поблагодарить каталог и проститься с ним, но он сам задержал нас.

— А заодно скажу вам еще о нескольких новостях: ВСГ предполагает выпустить абонемент, по которому раз в неделю будет устраиваться прослушивание такой музыки в грамзаписи, которую нельзя услышать ни в одном концерте. Новость с Апрелевского завода: успешно ведутся эксперименты по выпуску цветных пластинок, красных, зеленых, желтых, розовых, бирюзовых — самых разных. Наконец, ведется подготовка к выпуску так называемых гибких пластинок, очень тонких, очень прочных, более совершенных по звучанию. Вот, пожалуй, и все.

Новинки международного экрана

СРЕДИ АРТИСТОВ ГОЛЛИВУДА Поль Ньюмен — отнюдь не обычная фигура. Он не гонится за дешевой популярностью. Последняя роль Поля Ньюмена — ковбой Хад в картине Мартина Ритта, которая так и называется — «Хад». Еще один голливудский миф развеян этим фильмом — миф о ковбоях; его можно было бы даже назвать антиковбойским фильмом. Вы не найдете в нем ни бешеных скачек, ни отчаянной стрельбы. Ковбой Хад — герой Поля Ньюмена — это живой современный человек, сыгранный правдиво, со страстью и огромным талантом, но без каких-либо мелодраматических интонаций. Сын хозяина ранчо, старого скотовода, человека с твердыми взглядами, Хад — прямая противоположность отцу. Безмерно эгоистичный и жадный, с болезненным самолюбием, Хад ни перед чем не останавливается, чтобы достичь своих целей.

Официальный Голливуд не в восторге от этого образа; не помогла и блестящая игра актера. Да и политическая деятельность Ньюмена — одного из руководителей Вашингтонского марша, постоянного участника антирасистских демонстраций — не может способствовать его популярности среди голливудских бизнесменов.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕЖИССЕР Альберто Латтуада создал блестящую сатиру — фильм «Человек мафии». На первый взгляд может показаться, что это обычная развлекательная, ловко сработанная картина. Однако Латтуада пользуется комедийной формой, чтобы поднять острейшие политические и социальные проблемы.

Герой фильма — его играет хорошо известный советскому зрителю артист Альберто Сорди — приезжает из Милана на остров Сицилию в отпуск. Местная мафия — организация итальянских и международных бандитов,— захватив в качестве заложников красавицу жену и дочерей героя, требует, чтобы он совершил убийство важного лица в США. Его отправляют в Нью-Йорк в сундуке, без паспорта и билета. Вопреки своей воле он вынужден убить совершенно незнакомого ему человека и уже через несколько часов после преступления оказывается опять на Сицилии. Никто в Америке не знает его и не может ни в чем заподозрить; жена и дочери думают, что он уезжал на охоту.

Семья возвращается в Милан. Все как раньше. Герой опять работает там, где и раньше,— на огромной фабрике. И неожиданно он узнает в директоре одного из главарей мафии.

ЮБИЛЕЙ БОЛЬШОГО МАСТЕРА

Сергею Митрофановичу Городецкому 80 лет.

Первую книгу стихов поэта «Ярь», вышедшую в 1907 году, Валерий Брюсов назвал яркой и талантливой. Ею, писал он, поэт «приобрел опасное право — быть судимым в своей дальнейшей деятельности по законам для немногих».

Старшее поколение советских читателей отлично помнит молодого Городецкого, его насыщенные любовью к жизни стихи, полные «гусельного звона слов».

Великие революционные события 1917 года поэт встретил восторженно. В стихотворении «Призыв» он писал:

Не бойтесь! Горы упадут,
Неправда рухнет вековая,
И там, где правды сердцем ждут,
Там жизнь воспрянет, расцветая!

Вышедшие в советскую эпоху сборники стихов С. Городецкого «Серп», «Миролом», «Из тьмы к свету» и особенно «Грань» свидетельствовали о неуклонном росте поэта, об утверждении в его мировоззрении коммунистического восприятия жизни.

Революция окрылила художника, подняла его ввысь. В стихотворении «Поэт» есть яркая строфа:

В горнах наших дней плавильных
Кем ты стал, поэт, бессильный
В старом мире мертвецов?
Созидателем строенья,
Дирижером вдохновенья
И товарищем творцов!

Творчество Сергея Городецкого многообразно. Он известен не только как поэт, но и как автор повестей и рассказов, критик и историк литературы, переводчик и либреттист. Созданный им новый текст бессмертной оперы Глинки «Иван Сусанин» дал возможность во всей силе и красоте раскрыть замысел великого композитора.

В 1912 году молодой Сергей Городецкий в стихотворении «Море» сказал:

О волны! Я воин!
Мне враг, кто спокоен.

Эти строки — девиз его жизни.

Ник. НИКОЛАЕВ

ОБЛИЧИТЕЛЬ САМОВЛАСТИЯ, ПОБОРНИК РАЗУМА

В живописной местности близ города Вордо до сих пор стоит замок Ля Бред, построенный еще в XIII веке.

В этом средневековом замке 275 лет тому назад родился Шарль Луи Монтескье, мыслитель и писатель из славной когорты тех, кто, по словам Энгельса, во Франции просвещал головы для грядущей революции.

Сам Монтескье унаследовал титул барона и некоторое время занимал видный пост в одном из судебных учреждений Людовика XIV. Но он рано ощутил признаки дряхлости и загнивания того общества, к которому принадлежал.

«Правда — тяжкое бремя... когда ее приходится доводить до государей»,— писал Монтескье. Писатель вынужден был прибегать к иносказаниям. Причудливый сюжет поразил читателей его первой значительной книги — «Персидские письма» (1721). Герои романа — персы, путешествующие по Европе.

Франция показана глазами изумленного чужеземца, европейские впечатления перемежаются сообщениями о гаремной жизни. Париж сравнивается с Испаганью. Но под этой экзотической одеждой виден был сам Монтескье: он громил самовластие, позорное беззаконие в судах, распущенность дворянства, корысть духовенства, угодничество придворных.

Монтескье обличал пороки, царившие в тогдашнем французском обществе. Но он смотрел глубже: каждая страница его книги обнажала непрочность, гнилость, историческую обреченность всего европейского правопорядка.

Но как об этом сказать прямо, не навлекая на себя судебных преследований? Новая книга Монтескье, казалось, уводила читателя в глубь веков. Это «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734). Но автор предлагал читателю не простое собрание фактов, имен и событий. Он наглядно демонстрировал уроки истории. Рассказ о том, как правители Рима отрывались от народа, а народ утрачивал интерес к судьбам государства, приобретал острый политический смысл.

Монтескье не дано было понять подлинные закономерности исторического развития. Они были открыты Марксом лишь спустя столетие после Монтескье. Но огромным шагом вперед в познании общественных судеб народа был отказ от признания божественных причин, от идеи случайности, от наивного объяснения всех событий доброй или злой волей правителей. Монтескье стремился постигнуть «дух законов», царящих в человеческом обществе, и так он назвал свой главный труд (1748), явившийся политическим и правовым завещанием мыслителя грядущим векам. Это была программа буржуазной демократии, и на книгу Монтескье опирались многие буржуазные революционеры и реформаторы.

И хотя просветительская мысль Монтескье предвосхищала именно буржуазное общество, в книгах его мы встречаем немало глубоких прозрений, когда ставятся под сомнение самые основы буржуазной морали и буржуазного образа жизни.

Можно напомнить, как метко и зло выступал Монтескье против колониального разбоя европейских держав. Можно напомнить и о том, как искренне озабочен он был судьбами мира и не уставал порицать войну как варварское средство политики.

Монтескье умер в 1755 году, за три десятилетия до Великой французской революции. Его заблуждения и слабости принадлежат прошлому. Но свет его передовых идей доходит до нас через «громаду лет» и помогает в нашей борьбе против современного варварства во имя мира и прогресса.

С. ТУРАЕВ

ВДОХНИТЕ ЭТОТ ВОЗДУХ

Появившиеся в печати за последние десять лет воспоминания участников гражданской войны воскрешают образы людей и высокий революционный дух той неповторимой эпохи, и потому с таким нетерпением открываешь любую новую страничку. И каждая новая книга вызывает к тому же горячее чувство удовлетворения, потому что восстанавливает историческую правду и справедливость. Ведь ни для кого не секрет, что долгие годы многое замалчивалось, многое искажалось в угоду той мертвой схеме, которая трактовала историю как дело ума и рук одной личности. Тем отраднее видеть, что начинает создаваться целая новая литература, посвященная военной истории нашей Советской страны.

Значительную часть этой литературы составляют книги, которые зародились в не очень-то многочисленных, но активных рядах Военно-научного общества, а путевку в свет получили в Воениздате.

Вот еще два бойца в строю: «11-я армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге» В. Т. Сухорукова и «Героический поход» В. П. Горлова. Вместе они составляют подробный рассказ об одном из главных плацдармов борьбы за революцию в один из напряженнейших ее периодов — 1918—1920 годы.

О героическом походе Таманской армии рассказал классик советской литературы А. С. Серафимович в «Железном потоке». Произведение это переведено на многие языки, и о легендарных бойцах-таманцах знают широко не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Книжки В. П. Горлова и В. Т. Сухорукова можно считать документальным фундаментом художественного произведения А. Серафимовича; эти книжки говорят нам: да, это было именно так, воспетые писателем герои — не выдуманные персонажи, а увековеченные им подвиги не плод писательской фантазии. Так было. А кое-что в действительности было еще более трудно и героично.

...Дерзкий поход Таманской армии через горы на соединение с Красной Армией Северного Кавказа. Неравные, но все же победные сражения с вооруженными до зубов отборными полками Деникина. Измена главкома Сорокина, под чьим давлением Реввоенсовет Северо-Кавказской Республики решил расстрелять славного командарма Таманской Ивана Матвеева, и смерть предателя от руки красного командира полка Высланко. Короткая — несколько дней — эпопея обороны Владикавказа, которой руководил Чрезвычайный комиссар Юга Серго Орджоникидзе, ушедший затем с горсткой смельчаков в горы. Трагический марш через степи на Астрахань, где Киров бился за революционный порядок и в ожидании отходившей 11-й армии старался помочь ей, чем только можно было в немыслимо тяжелой обстановке...

Какие драматические моменты! Сколько человеческих трагедий угадывается за скупыми строками документов! Прочитаешь книги, и долго потом не покидает тебя чувство гордости и благодарности — гордости бессмертными бойцами революции и благодарности им за то, что они грудью своей оберегли, защитили это далекое для них будущее, в котором мы живем.

Боюсь, что все здесь мною сказанное совсем не похоже на рецензию критика, но я к этому и не стремился. Мне неподручно судить о степени полноты и пунктуальности, с которой излагают давление события В. П. Горлов и В. Т. Сухоруков, так как я сам в то время сражался на других фронтах. Мне хотелось сказать об этих и им подобных книгах, что называется, с иных позиций.

Нам, старикам, такие книги, строго документированные, помогают восстановить в слабеющей памяти точный ход событий. Нечего греха таить, некоторые из опубликованных воспоминаний порою содержат обидные ошибки, искажающие историю; они появляются у авторов, которые пренебрегают кропотливой работой в архивах, розысками подлинных документов (как случилось, к сожалению, например, с И. В. Янковским, автором воспоминаний, напечатанных в №№ 39 и 40 «Огонька» за 1963 год).

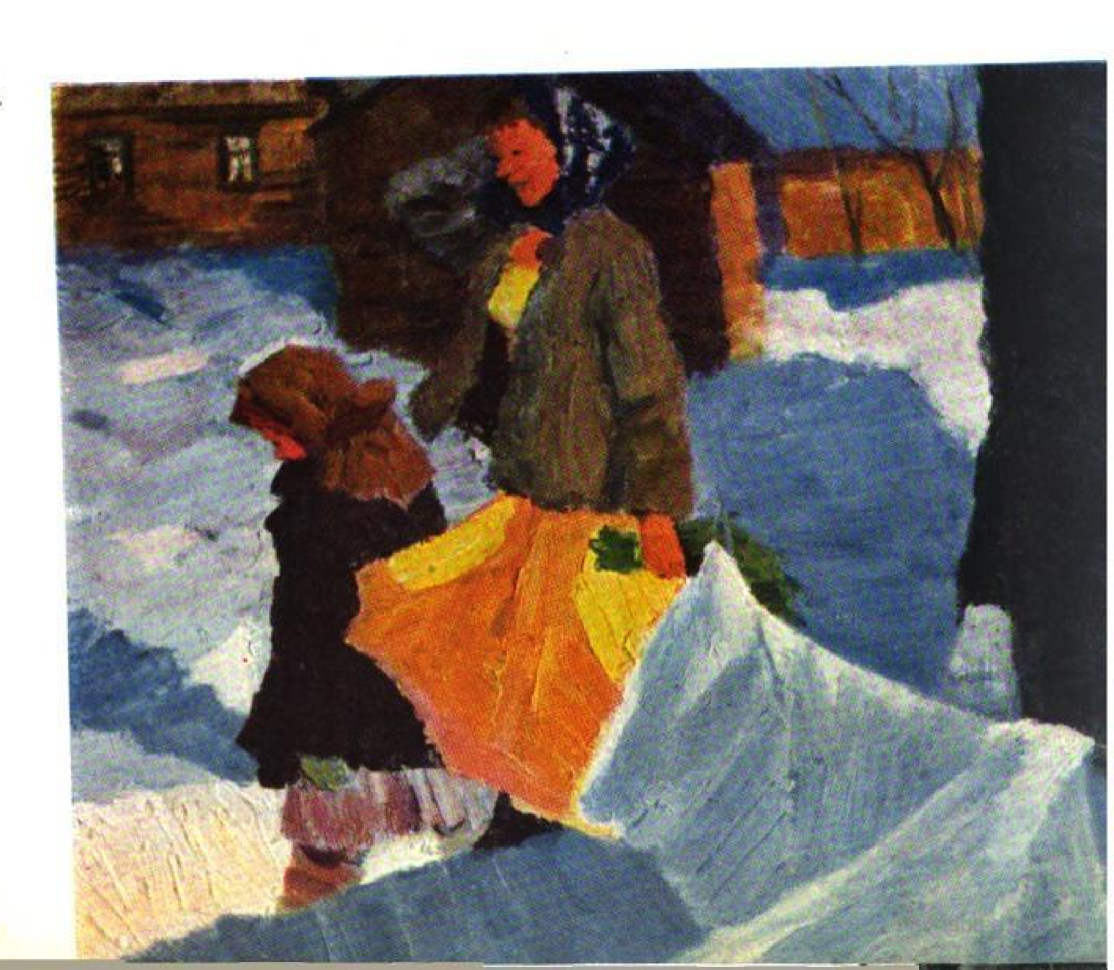
Участникам гражданской войны правдивые документальные книги доставляют радость особого свойства: читаешь — и словно год за годом сбрасываешь с плеч груз прожитых лет и снова становишься молодцом, каким ходил в атаку на белогвардейские пулеметы. А юному поколению их необходимо знать, потому что, читая их, юноши и девушки вдохнут воздух, которым дышали деды. Я взялся за перо, чтобы обратить на эти книги внимание более широкое, чем то, каким они до сих пор пользуются.

К. Ф. ТЕЛЕГИН,
генерал-лейтенант запаса

С. Герасимов. МАРТ.

Выставка из фондов Всесоюзной художественной лотереи.

В. Гаврилов. СОЛНЕЧНЫЙ МАРТ.

Л. Ходжелани. ОСЕНЬ В ГОРАХ КАВКАЗА.

С. Тутунов. УТРОМ.

Выставка из фондов Всесоюзной художественной лотереи.

Кристина Крохельская.

Услышанное под звездами

Борис ИВАНОВ

Рисунок П. Пинкисевича.

Скульптор Людвика Нитшова.

В Варшаве, на Маршалковской улице, есть кафе, которое называется «Под звездами». Оно расположено на самом верхнем этаже большого дома, и летом, когда столики выносят на балкон, над головами посетителей действительно сияют звезды. Но кафе это знаменито не своим названием, а тем, что там происходит вечерами. Не посвященному в его тайны вначале покажется все обычным: за столиками сидят люди всех возрастов, одни пьют кофе, другие лакомятся мороженым, третьи довольствуются бутылкой фруктовой воды. Под аккомпанемент рояля выступают певцы.

Однако уже через полчаса посетитель заметит, что актеры сидят здесь же в зале и слишком волнуются, конферансье объявляет не только фамилию выступающего, но и называет студию, воспитанником которой он является. Каждый исполняет только по две песенки. Тот, кто получил в награду жидкие хлопки, больше к роялю не подходит. А кого сопровождали бурные аплодисменты, тот исполняет еще две песенки. В конце представления конферансье, обращаясь к посетителям, спрашивает, нет ли среди них желающих показать свое искусство. Такие бывают, находятся, и нередко рискнувшего принимают очень тепло.

В кафе «Под звездами» два-три раза в неделю проходит как бы смотр молодых дарований. Главные ценители и судьи — посетители. И часто их одобрение решает судьбу успеха начинающего певца на большой эстраде. Слух о новом таланте усилиями очевидцев быстро распространяется среди любителей современной песни и действует на них сильнее, чем самая изощренная реклама.

И я там был. Слушал этот необычный концерт. Он мне понравился. Пришлась по душе и идея создания такого кафе. Но, помимо концерта, в кафе «Под звездами» я услышал и две истории, настолько интересные, что захотелось узнать подробности. Решил найти героев этих историй. Это оказалось делом несложным. К моему счастью, они жили в Варшаве и были дома. Из четырех главных действующих лиц встретиться, правда, удалось только с двумя. Об остальных двух можно сказать словами поэта: «Иных уж нет, а те далече...»

Вот об этих историях и пойдет речь. Начало одной относится ко временам еще довоенным, а вторая разыгралась недавно, всего лишь год назад.

ПОДВИГ СИРЕНЫ

Из жизни Людвики Нитшовой я взял лишь одну страничку. Почему только одну? Да потому, что эта страничка — золотое зернышко, найти которое Людвике было нелегко! Потребовались долгие годы труда и раздумий, чтобы создать ее. Эта страничка заключила один из больших этапов творческого пути Людвики Нитшовой и в то же время раскрыла перед ней новые горизонты.

Варшавские площади и скверы украшает много памятников, монументальных скульптур, среди которых есть работы и Людвики Нитшовой. Но, пожалуй, каждый побывавший хоть раз в Варшаве никогда не забудет бронзовой Сирены, стоящей на берегу Вислы. «Сиренка», как ее ласково зовут горожане, с мечом в одной руке и со щитом в другой, герб столицы Польши. И еще. Сирена ныне — как бы живое воплощение справедливости, давно ставших крылатыми слов «герои не умирают». История создания этого произведения Людвики Нитшовой и есть та страничка, о которой я хочу рассказать.

Стремительно летели тридцатые годы к мировой катастрофе. Что война не за горами, многие чувствовали в Польше. Ясно видела близость трагических лет и Людвика Нитшова. Тогда у нее и возникла идея создать оптимистический символ силы и стойкости родной Варшавы. Профессионально к этому ваятельница была готова. Воспитанница виднейших польских художников, она участвовала во многих национальных и международных выставках, неоднократно получала премии, а ее скульптурный портрет Марии Кюри-Склодовской был приобретен правительством Франции.

Но где искать образ, который бы наиболее полно и в то же время предельно лаконично и точно выразил ее идею? «Все мы стоим,— размышляла Людвика Нитшова,— на берегу той самой великой реки, волны которой катятся бурно и быстро либо широко разливаются при тихой погоде. Но у каждого народа есть своя река истории, свое национальное русло. Именно из нее подлинный художник и черпает вдохновение, именно она питает его воображение».

Понятное всем, но созвучное лишь душе твоего народа — таков творческий принцип Людвики Нитшовой, выработанный ею в течение десятилетий на собственном опыте. От этого принципа и пошла она к задуманной цели. Волны безустанно текущей Вислы, с которой навеки связана судьба Варшавы, и подсказали скульптору образ Сирены.

Образ замысла был найден. Оставалось найти модель, натуру. Людвику Нитшову познакомили с Кристиной Крохельской — студенткой Варшавского университета. Она изучала этнографию, увлекалась народной музыкой, сама хорошо пела. А ее полные гражданского пафоса стихи вызывали восторг на студенческих вечерах. Любопытна была и биография Кристины. Ее дед — ветеран польского восстания 1863 года, тетка Ванда Филиповичова в революцию 1905 года бросила бомбу в карету царского генерал-губернатора в Варшаве Скалона. Кровь Кристины была густо замешана на свободолюбии. Природа отменно потрудилась над ее внешностью. Стройная, большеглазая блондинка с гордым профилем, она как бы олицетворяла собой польскую женщину.

Лучшую натуру трудно было найти. Кристина охотно согласилась позировать. Началась работа, вдохновенная и тяжелая. Пришлось набраться терпения и Кристине. Ваятель требовательный, нет числа пробам и вариантам. Наконец Сирена была готова и, отлитая из бронзы, в 1938 году установлена на берегу Вислы. По первоначальному плану ма-

териалом для скульптуры должно было стать зеленое стекло, а ее местом — середина реки. Но этого не случилось. И к лучшему: стекло слишком хрупко, чтобы противостоять стали. Вскоре началась война.

Кристина Крохельская не осталась безучастной к трагедии своей родины. Она тоже взяла оружие и пошла в партизаны. Многие ее друзья и близкие полегли от рук фашистов, кто в застенках Освенцима и Майданека, кто в открытом бою. Но Кристине везло. Неуловимая, как дух народа, она продолжала борьбу. Отвага, дерзость, хитрость, смекалка — все было взято ею на вооружение.

Год шел за годом. Приближался день без туч и молний.

Советские войска вместе с польскими полками подошли к стенам Варшавы. В городе поднялось восстание. К рядам повстанцев примкнула и Кристина Крохельская. Утром первого сентября 1944 года ее отряд завязал бой на поле Мокотувском. Силы были неравные. Но варшавяне превосходили врага волей и стойкостью. В полдень был убит командир отряда. Кристина стала на его место. Вскоре и ее сразили три вражеские пули. Товарищи попытались вытащить Кристину из-под огня, чтобы отправить на медицинский пункт.

— Штык тоже грозное оружие! — громко крикнула Кристина. Это была строчка из ее стихотворения, широко известного повстанцам. Слова Кристины отряд воспринял как приказ к атаке. Штык, приклад и ярость — ярость не отчаяния, а мести — сломили гитлеровцев.

К вечеру не стало и Кристины Крохельской.

Три раны оказались смертельными.

В Варшавском университете висит мраморная доска с именами тех, кто погиб за свободу Польши. Есть на этой доске и имя Кристины Крохельской. Посмертно она награждена военным орденом.

На берегу Вислы непоколебимо, как Польша, стоит Сирена — свидетельница и участница жестокой битвы польской столицы с фашистскими оккупантами. Сирена не рухнула даже тогда, когда все окрест было превращено огнем и бомбами в руины и пепел. Если внимательно посмотреть на скульптуру, можно увидеть на ее бронзовом теле три раны — три пробоины от вражеских осколков.

Каждый Человек, будь он ваятель или воин, сеятель или музыкант, оставляет после себя добрую память.

Не умирают лишь герои.

ЛИРИ, ГДЕ ТЫ?

Почти быль

1

Здислов ничего не замечал вокруг — ни вечерних огней, ни шума улиц, по которым шел. Он даже не чувствовал, как тяжело ступают его ноги на плиты тротуара. На Аллеях Ерусалимских кто-то толкнул его в плечо и обругал разиней. Это слово застряло в голове, и он механически повторял про себя: «Разиня, разиня, разиня...»

На Краковском предместье из урны шел дым. Это тоже зафиксировала память. «Недокуренная сигарета... бумага... пожар... Фу, какая чепуха! Урна железная. Камни. Какой пожар?..» Дымящаяся урна вызвала желание закурить. Здислов вытащил из кармана плаща пачку сигарет. Остановился, прикурил. Тщательно затушил спичку и вложил ее обратно в коробку.

Под ногами замелькали черные кляксы. Они были маленькие, круглые. С каждой секундой их становилось все больше и больше. Они сливались друг с другом, образуя пятна. И вдруг весь тротуар словно залили чернилами. Пошел дождь, густой, упрямый. И это немного отрезвило Здислова.

Только сейчас он почувствовал, как устал. На правой ноге болела пятка. Сколько же времени прошло с того момента? Здислов посмотрел на часы. «Боже мой, пять часов!» Где же это он столько бродил? Струйки воды неприятно бежали с непокрытой головы за шиворот. Здислов поднял воротник плаща. «Сволочи, мерзавцы!» — выругался он. Надо спрятаться от дождя. Куда? Здислов огляделся: площадь Старого рынка. Дома, тонкие и высокие, стояли, вытянувшись, как солдаты на средневековом параде, тускло поглядывая зашторенными окнами на мокрую брусчатку.

Когда Здислову было плохо или особенно хорошо, он всегда шел на Старо място, поверяя старому городу свои печали и радости. Тишина и загадочность этого самого древнего района Варшавы действовали на него всегда успокаивающе, располагая к доверию и раздумью. И сейчас, повинуясь внутреннему желанию поделиться с кем-то своим горем, Здислов, не ведая как, дотащился до Стара мяста. А дождь лил и лил.

Засунув руки в карманы плаща, ставшего тяжелым и ломким, ссутулившись, Здислов побежал через площадь, громко шлепая туфлями по лужам, к подъезду, над которым сияла вывеска: «Винарня».

В зале винарни был полумрак. Сигарный дым плотно обволакивал маленькие бумажные абажурчики, висящие на черных железных прутьях. Голоса посетителей сливались в один густой гул, который, казалось, тоже плавал под потолком. Сидя на деревянной лавке за коричневым, ничем не покрытым столом, Здислов внутренне собрался, или, как любил выражаться, «подергал себя за уши».

Все в жизни случается неожиданно. Недаром говорят: если б знал, где упал, так соломки б постлал! Неожиданно к Здислову прилетело счастье, неожиданно обрушилось и горе. Из каждого тяжелого положения есть дверца к выходу. Надо быть только очень зорким, чтобы ее найти. Иногда для этого требуется воля и решимость, быстрые, как меч в бою, иногда выдержка и время, пусть даже тягучие, как тоска.

«Что же делать? Что делать?» — думал Здислов. «Кто же мог этого ожидать? Кто?» Разыскивая эту самую дверцу к выходу, он невольно мысленно обратился к тем дням, с которых все и началось. И они живыми картинами вставали перед глазами.

2

А началось все в университетской читальне. Приближались экзамены, и Здислов проводил в ней большую часть суток. Ему было трудно учиться. Он был значительно старше своих однокурсников. Раньше не хватало времени: партизанский отряд, строительная бригада — и только вот теперь, когда кое-где уже на голове проклюнула седина,— университет.

Солнце в те дни стояло высоко, на улице пахло талым снегом, асфальтом и водой. Земля просыпалась от долгой зимы и дышала глубоко и ровно. Но Здислову и его товарищам было не до красот природы. Книги, конспекты, дискуссии о синтезе белка, о возможности управлять наследственностью, снова книги — вот что занимало их с утра до позднего вечера. Каждый спешил или углубить знания, или постичь неосвоенное.

Излюбленным местом Здислова в читальне был крайний стол у самой стены. Здесь никто не мешал. Здислов же, стоило ему поднять от учебника голову, видел весь зал — в основном затылки и согнутые спины: узкие, широкие, длинные и короткие. Постоянных посетителей читальни он скорее узнавал по спинам, нежели по лицам.

С некоторых пор за столом, что стоял впереди, появилась спина — тонкая в талии, с покатыми нежными плечами. С затылка на смуглую шею спадали черные, коротко стриженные, прямые волосы. Они излучали матовый блеск и казались теплыми. Может быть, эта студентка занималась здесь и раньше, но внимание на нее Здислов обратил именно теперь. Он встал и вышел в коридор покурить, чтобы, возвращаясь обратно к своему столу, взглянуть на ее лицо.

Маленькая хитрость, однако, не удалась. За то время, пока он курил, студентка ушла.

На другой день Здислов пришел в читальню чуть ли не раньше всех. И его взора не миновал ни один вновь входящий в зал человек. Но ее все не было. Это почему-то вселяло в Здислова озабоченность, какую-то неустроенность, словно он что-то забыл. Он пытался углубиться в книгу, из этого ничего не получалось. К каждой прочитанной строке приходилось возвращаться снова и снова. Глаза различали буквы, а смысл слов пролетал мимо сознания. Здислов уже собрался было уходить, в сердцах захлопнув учебник, как вдруг увидел ее — длинноногую, в шерстяной, туго обтягивающей фигуру кофте. Она шла, прижав локтем черную папку, не спеша, отыскивая свободное место в зале. Здислов внимательно следил за каждым ее шагом. Она тоже посмотрела на него чуть дольше обычного, но села за столик по-прежнему к нему спиной...

С того дня Здислов и Лири, так звали девушку, встречались не только в читальном зале. Лири приехала в Варшаву из другой страны, по договору о студенческом обмене. Она изучала в университете польскую историю и филологию. Еще слабо знала язык да и сам город. Здислов, как истый варшавянин, предложил Лири услуги гида, на что получил благосклонное согласие. Он неутомимо знакомил девушку с Варшавой, с ее памятниками, стариной. Она, в свою очередь, рассказывала ему о своей родине, ее традициях, искусстве, истории. Конечно, разговор ограничивался не только чисто академическими темами, а паузы иногда заполнялись молчанием, все чаще звучавшим в тональности, понятной только им двоим. Но слова сказано не было.

Особенно обоим нравилось бродить по весенним Лозенкам. Столет-

ние липы, клены, вязы покрывались зеленым пушком, земля ершилась молоденькой травкой. Мороженщики на разные лады расхваливали свой товар. Во всех концах парка слышался их призыв: «Лёды, лёды, лёды!» Один из них, с обвислыми рыжими усами и короткими бровями, торчащими вверх, остановил тележку около Здислова с Лири и сказал, причмокнув влажными губами:

— Светна кобета! Пани, видно, хочет мороженого. Лучшее во всей Варшаве — это у меня.

— Пан мороженщик, светны коммерсант! — ответила в тон Лири.— Но зачем же охлаждать то, что еще совсем не нагрето?

— Тогда пану остается предложить пани чашечку горячей кавы,— сказал мороженщик.

— Дзякуем, пан,— весело сказал Здислов,— за великое открытие, хотя вы и не Коперник. А ну-ка дайте мне две порции.

— Осторожнее, Здислов! Простудите горло, и тогда я вообще не услышу от вас ни одного слова.

На слове «одного» Лири сделала чуть заметное ударение.

«Кохана моя»,— проговорил про себя Здислов.

3

Первый экзамен Здисловом и Лири был сдан успешно. После него полагалось свыше недели на подготовку ко второму.

Здислов предложил Лири съездить на день-два отдохнуть к его маме в Сопот. Предложение охотно было принято, и молодые люди на следующее утро уже были на берегу Балтийского моря. Балтика встретила их удивительно солнечной погодой. Здислов свозил Лири в Гданьск, показал ей старый город, новые верфи, где стояли на стапелях и у причалов белые громадины, готовые вот-вот поднять якоря и отправиться в дальнее плавание.

— Таким кораблям ни один шторм не страшен, ведь правда? — говорила Лири, восхищаясь красотой и мощью танкеров, лесовозов, траулеров.

— Поляки — опытные моряки, знают, что такое бури,— отвечал ей Здислов,— поэтому строят прочно и надежно.

— Ну-ну, все проверяет время.

Вечерами они любили посидеть на молу, который стрелой уходил далеко в море. Отсюда хорошо был виден извилистый берег, опоясанный широкой лентой пляжей. По серебристому песку, лениво перебирая тонкими ногами, грузно ходили белогрудые чайки. Плавали они в тихой воде или вдруг, собравшись в стаю, тучей носились над головой, нудно разговаривая на своем языке. Фасады гостиниц, пансионатов, коттеджей белыми, красными, желтыми скалами возвышались над пляжами. Когда заходило солнце, дома окрашивались сначала в розовый, чуть позднее в вишневый цвет, а затем все тонуло в темно-серой дымке. Высыпавшие на небе звезды отражались в воде, не рябясь и не мигая. И только по ним, по этим серебряным бляхам, можно было угадать, где кончается море и начинается берег.

В последний вечер перед отъездом в Варшаву закат был необыкновенным. Медленно сползавшее с зенита солнце вдруг стала накрывать черная туча. Такая же туча поднялась и с моря. Постепенно солнце оказалось словно в гигантских тисках, которые сплющивали его все сильнее и сильнее.

— Смотри, Здислов, как похоже на глаз,— сказала Лири, показывая на небо,— глаз какого-то чудовища. Даже чайки притихли... Мне страшно!

Здислов обнял ее за плечи, привлек к себе.

— Не надо, Лири... Ничего не бойся. Я с тобой. Я очень долго искал тебя по всем дорогам. Не каждому дано найти вторую половинку своего сердца. Иным только кажется, что нашли. А я нашел тебя. Я с тобой навсегда, что бы ни было — навсегда.

— Верю, Здислов, верю! Но сколько вокруг условностей! Они бывают сильнее нас, наших желаний... Глаз совсем сощурился. Он словно смеется над нами.

Через мгновение тучи сомкнулись, совсем поглотив солнце. Потянул ветер, море недовольно заворчало. Стало сразу темно. На небе не вспыхнуло ни одной звездочки. Горизонт прорезали одна за другой лезвия молний.

— Идем домой, Лири,— сказал Здислов,— простимся с мамой, и на поезд. Пора.

4

Молва — старый и самый неотвратимый вид связи. Телеграмму можно задержать, перехватить, радиопередачу заглушить, с молвой ничего не сделаешь. Раз она вылетела из чьих-то уст, обязательно дойдет до цели. И, что хуже всего, по пути она искажается, обрастает домыслами, фантазией, всяческими нелепостями. Зернышко правды оказывается запеленутым толстым слоем шелухи.

Как только Здислов и Лири вернулись в Варшаву, Лири была вызвана в посольство своей страны. Разговор был сухим и категоричным.

— Мы знаем о вашей связи с польским студентом. Она зашла слишком далеко. Вы должны немедленно уехать домой.

— Позвольте,— возразила Лири,— мы любим друг друга и хотим пожениться.

— Вот-вот! Выходить замуж за поляка — это по меньшей мере непатриотично. Дома своих женихов много.

— А как же экзамены, курс?

— Сошлитесь на нездоровье родителей... Билеты на самолет получите завтра. И не вздумайте выкинуть что-либо такое...— Ответственный посольский чиновник, маленький, лысоватый, как бы поясняя свою последнюю фразу, покрутил кистью руки и встал с кресла в знак окончания беседы.

Вся в слезах, Лири рассказала Здислову о своей встрече в посольстве.

— Успокойся, Лири, ты никуда не поедешь. Что-нибудь придумаем.

И придумали. Лири спрятали на квартире однокурсника Здислова. Заботу о ней проявляла вся группа, в которой она училась, и друзья Здислова. Каждое утро Лири получала газеты — не только польские, но и со своей родины. Ее снабжали всеми нужными книгами, конспектами. В квартире не было телевизора, приволокли и его, чтобы вечерами Лири не особенно скучала. Заботились о ней и жильцы дома. Мужчины, отправляясь на работу, обязательно передавали пани Лири через своих жен «доброго утра», а вечерами справлялись, как она провела день, и посылали маленькие букетики цветов. Женщины по очереди носили ей все самое вкусное, что готовили для своих семей.

Многочисленные друзья, дом, двор — все знали, где Лири, что Лири, как Лири. И никто ничего не знал! Это было удивительное единодушие и верность. В университете ходила версия: у Лири грипп. Она лежит у какой-то своей подруги.

Посольство раздражало неповиновение Лири. Найти ее, во что бы то ни стало найти. Принцип, дисциплина! Попробовали использовать услуги студентов своей страны — тщетно. Никаких новостей в посольство они не принесли. Поговорить самим с Здисловом? Он-то наверняка в курсе событий. Но он вправе вообще отказаться от встречи. Подымать официальный скандал — значит попасть в глупое положение перед общественным мнением. Любовь и насилие несовместимы. Попытаться разузнать окольным путем, через близких друзей Здислова. Вдруг повезет!

Юлиан Квинский, к которому обратились якобы невзначай работники посольства, сообщил о пробных шарах Здислову.

— В обмен на гарантии,— сказал на это Здислов.— Иди, но в разговоре будь дипломатом.

Встреча в посольстве состоялась вежливая, безупречная.

— Что ж,— сказал Юлиан,— надо подумать, как узнать адрес Лири. Она уже чувствует себя лучше. Я где-то вчера об этом случайно слышал. Они любят друг друга, это я знаю наверняка. И были бы очень счастливы вместе.

— Так что же их удерживает? — воскликнул тот же маленький лысоватый чиновник посольства, который неделю назад разговаривал с Лири в несколько ином тоне.

— Лири нужно ваше доброе напутствие. Лишь это.

— Готовы с радостью!

— Напишите Лири короткое письмо об этом.

— Не заставим долго ждать.

Буквально через полчаса торжественно и с поклонами Юлиану вручили письмо для Лири, напечатанное на бланке с гербами, такого содержания:

«Посольство сердечно приветствует будущее бракосочетание гражданки нашей страны Лири с гражданином Польши Здисловом Богушинским. Будем счастливы видеть молодую пару в посольстве, чтобы не только отдать дань некоторым формальностям, вытекающим из обычаев и традиций нашего народа, но и лично поздравить бракосочетающихся».

Юлиан буквально вихрем долетел от посольства до общежития, где ждал его, сгорая от нетерпения, Здислов.

— Браво, победа! — крикнул Юлиан, вбегая в комнату друга.— Дай я тебя расцелую. К Лири, немедленно к Лири!

Здислов ничего не сказал. Он обхватил свою голову руками и запрыгал как мальчишка на одном месте.

Победу они отпраздновали втроем в студенческом кафе «Ухо».

5

К визиту в посольство готовились тщательно. Как-никак решалась судьба. Здислов даже надел черную пару. Взяли такси и в пять часов вечера, как договорились, стояли оба взволнованные у высокой дубовой двери парадного подъезда. Здислов нажал белую кнопку, и дверь тут же открылась.

На пороге, улыбаясь, стоял все тот же маленький лысоватый чиновник.

— Наконец-то! Прошу,— проговорил он, быстро пропуская Лири впереди себя.

Но Здислов не успел за ней и шагу шагнуть, как дверь мгновенно захлопнулась. В первое мгновение он даже не мог сообразить, что произошло. Снова нажал кнопку звонка. Молчание. И Здислов все понял. «Подлость, подлость, сволочи!» — ругался он, что есть мочи барабаня руками и ногами в мертвую дверь посольства.

Подошел милиционер и строго сказал:

— Хулиганство карается законом. Вы нарушаете дипломатическую неприкосновенность. Может быть конфликт. Убирайтесь отсюда побыстрей.

Здислов как-то сразу обмяк под строгим взором милиционера и, подавленный всем случившимся, побрел куда глаза глядят...

— Пшемпрашам, пана,— услышал Здислов приятный женский голос.— Пора домой. Уже поздно. Винарня закрывается.

— Ах да, да, поздно! Сейчас, сейчас... Неужели поздно?.. Что же делать? Что же делать?

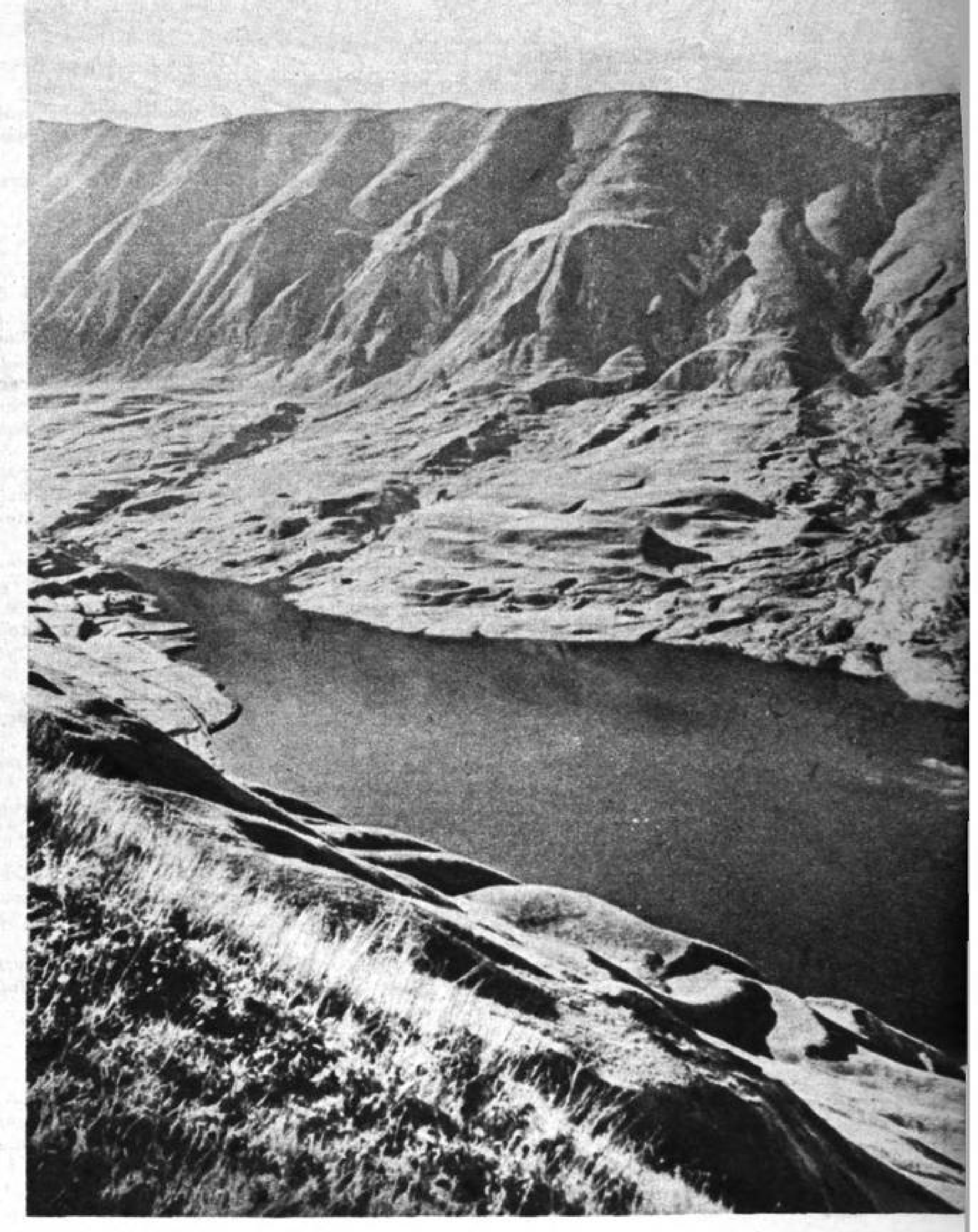
— Как что делать? Идти домой! Говорю вам, уже поздно...

Расплатившись, Здислов вышел на улицу. Ночь была темная. По-прежнему лил дождь — теплый, весенний, готовя землю для новых трав и новых цветов.

Лири, где ты?..

Работники Дагестанского гидрометбюро Главного управления гидрометеослужбы при Совете Министров СССР Д. Соловьев и Р. Ракитин определяют размер, температуру и химический режим нового озера.

Новое озеро Мочох.

ПОДАРОК ГОР

Магомед проснулся от неясного чувства тревоги. Прислушался. Раздался резкий грохот. Рассветало быстро, и стало видно: гигантская гора, целый массив, выдвинулась вперед. Страшный гул потряс землю. Казалось, какой-то великан рвал ее на части. Сомнений больше не было: громада продолжала двигаться.

...Сообщенче Магомеда Магомедова из колхоза имени Гамзата Цадаса о колоссальном оползне было началом мужественной борьбы со стихией.

Прибыла правительственная комиссия. Немедленно эвакуировали жителей.

Заключение ученых оказалось единодушным: причина появления оползня — обильные летние дожди, ливни. Но оползень-гигант (объемом свыше двухсот миллионов кубометров) — явление чрезвычайно редкое, и за последние сто лет такого в горах Дагестана не случалось. Несмотря на быстрое движение оползня — скорость примерно 2—3 метра в минуту,— ученые предполагали, что он остановится, так как идет к высокому берегу ущелья. Однако, спустившись, горный массив запрудит реку Мочох, уровень воды повысится. Надо быть готовым к этому и принять меры для сброса лишней воды. При встрече оползня с преградой неизбежен сильный удар, от сотрясения могут быть разрушены дома. А когда в реке поднимется вода, она затопит нижние склоны ущелья.

С выводами ученых познакомили колхозников.

Шесть дней сползал вниз горный массив, скорость его все возрастала. И вот однажды утром раздалось один за другим два удара. Сила их была так велика, что в округе за десятки километров людям показалось, будто случилось землетрясение. В горах прокатилось долгое эхо. Испуганные птицы, взлетев, не решались сесть, жалобно замычал скот, тревожно выли собаки...

Горный массив, перегородив ущелье, соединил обе его стороны прочной естественной плотиной. Сползая, он с силой ударился в гору, на которой приютился аул, но постройки почти не пострадали. Разрушило лишь три дома на самом краю обрыва.

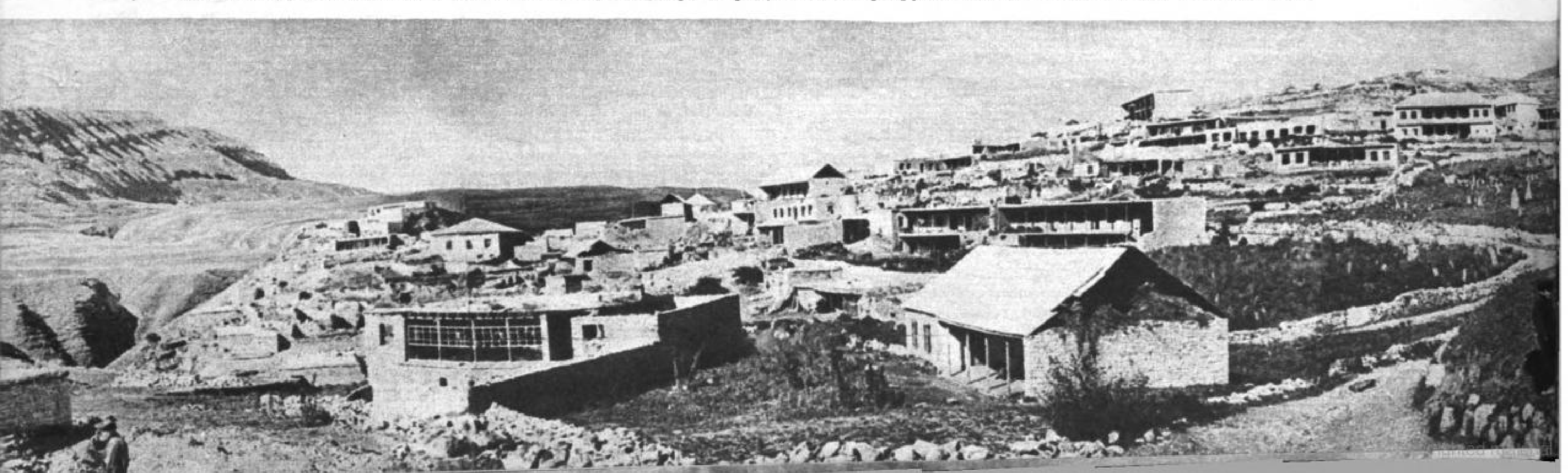
Гигантский оползень, движение которого так беспокоило людей, наконец-то остановился. Колхозникам разрешили вернуться в аул.

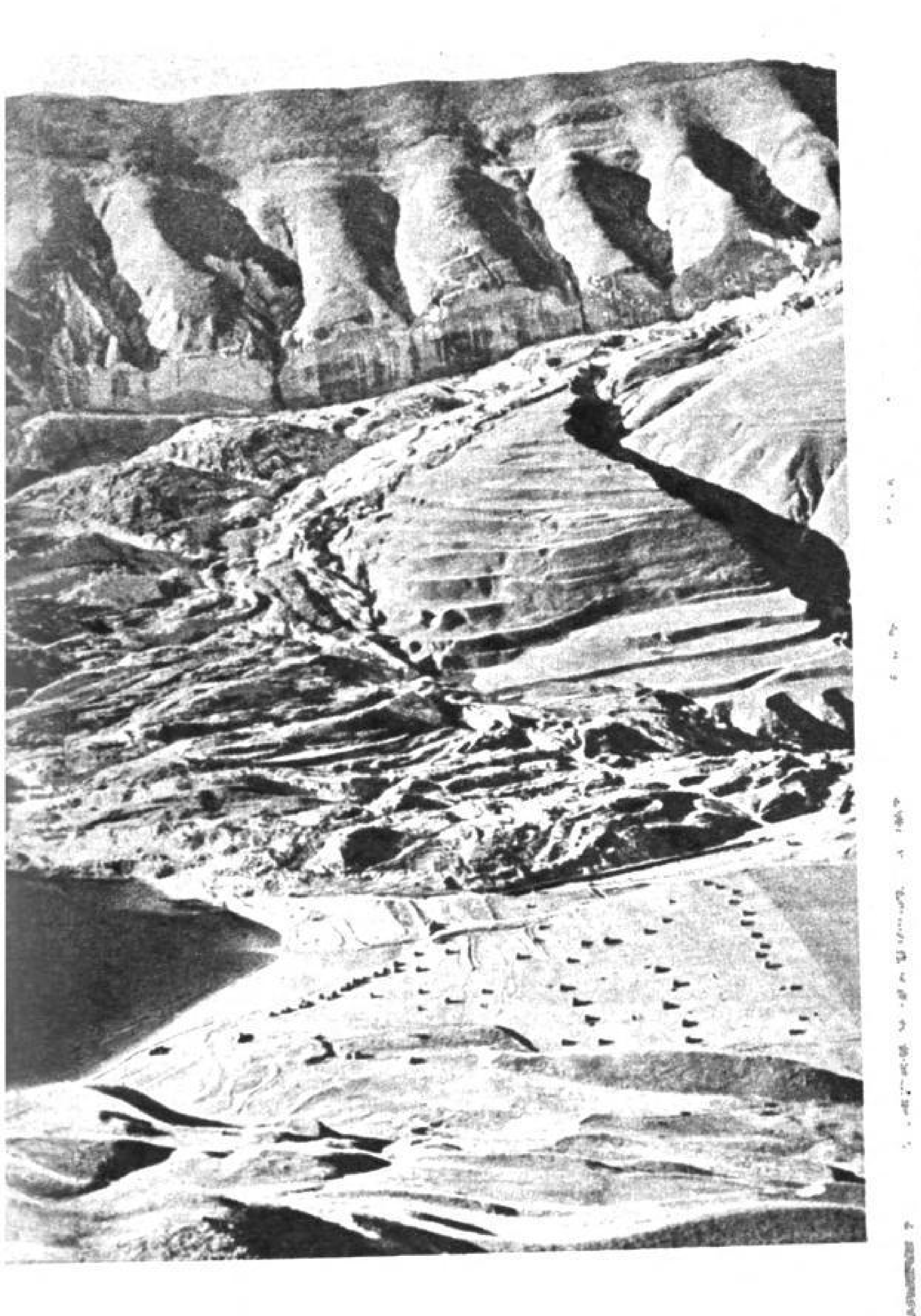
Однако людей подстерегала еще одна неожиданность. Весть принес колхозник Гимбат Каднев, которому поручили следить за уровнем воды в котловане. Оказалось, что котлован заполняется водой быстрее, чем предполагали ученые, так как там скапливалась не только вода реки Мочох, но и воды многочисленных источников, забивших из трещин после перемещения оползня.

И эта новость не застала людей врасплох. Приехавший на место происшествия одним из первых начальник Хунзахского управления оросительных систем Гадки Атаев вместе с инженером управления Долгатом Шайховым осмотрел естественную плотину и нашел подходящее место для водосброса. Вскоре на помощь прибыли специалисты из Дагестанского строительно-монтажного управления водного хозяйства.

Решено было построить для

Здесь, в горах Дагестана, у аула Мочох, гора перекрыла реку. Слева — разрушенный оползнем дом на окраине аула.

сброса лишней воды аварийный лоток длиной в 570 метров.

Чтобы выиграть сражение у природы, люди бросили в горы новейшую дорожную и строительную технику. Для того, чтобы она поднялась сюда, на высоту двух тысяч метров, пришлось тоже основательно поработать. Спрямили и расширили старую дорогу, построили заново ту, которую разрушил оползень. И вот в горы одна за другой пошли машины...

Закипела работа. Бульдозеристы сразу же начали рыть канал — ложе будущего водосброса. А сварщики здесь же, рядом с ними, сшивали из огромных листов железа лоток...

Шли дни. Котлован превратился в прекрасное голубое озеро с чистой, прозрачной водой.

Обычно вода в горных озерах очень холодная. Но новое озеро Мочох стало исключением из правил. Температура — плюс 20 градусов: наверное, среди подземных источников, впадающих в озеро, немало горячих.

Исследовав озеро, ученые признали, что в нем есть все условия для разведения рыбы. И решили переселить сюда молодняк форели из высокогорного озера Эйзенам, чтобы вкусная рыба всегда была к обеду у колхозников.

Пройдет год, два. В озере будут разведены ценнейшие породы рыб, здесь выстроят консервный завод, а там, где получился стометровый перепад, станет гидростанция. Склоны гор покроются цветущими садами.

Виктор ТЕМИН

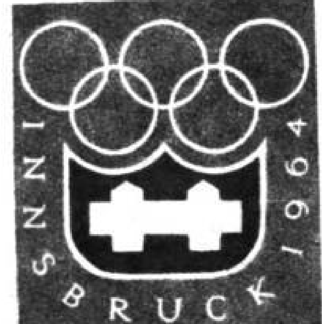
Фото автора.

Аул Мочох,
Дагестан.

Кандидат биологических наук Юсуп Саидов запускает первую эйзенамскую форель в озеро.

Инсбрук — мост дружбы

Петр СОБОЛЕВ

Перед зимней олимпиадой 1952 года в Осло весь свет облетели слова чемпиона и рекордсмена мира по конькам норвежца Ялмара Андерсена: «Я поддерживаю всякую деятельность, направленную на сохранение мира. Наши спортивные встречи проходят в упорной борьбе, но вместе с тем эти встречи создают мощную международную солидарность. Самое страшное, что я могу себе представить, — это война между нами. Это не должно случиться. Мы должны быть едиными в борьбе за мир».

Эти прогрессивные идеи нашли широкий отклик и в последующих олимпиадах. Спорт стал важным средством укрепления дружбы между спортсменами, средством широких контактов между олимпийскими делегациями, и не только в процессе самих соревнований, а в ежедневном общении и олимпийцев и тех, кто освещает их борьбу, — журналистов. Так у делегаций возникла необходимость иметь своих представителей, олимпийских атташе, при организационном комитете крупнейших соревнований.

Автор этих строк побывал на всех зимних и летних Олимпийских играх послевоенного времени то в роли атташе, то в качестве корреспондента. Вот и на сей раз мне довелось познакомиться с Инсбруком значительно раньше многих участников предстоящей олимпиады, побывав там перед Новым годом. Впрочем, если не об Инсбруке, то об инсбрукцах я впервые узнал, когда они в 1955 году боролись за право проведения Олимпийских игр, на сессии Международного олимпийского комитета в Париже. Тогда кандидатура Инсбрука была отклонена и предпочтение отдано Скво-Вэлли. Но вот на сессии в Мюнхене, когда обсуждался вопрос о месте проведения олимпиады 1964 года, Инсбрук получил долгожданное, вернее, долгопросимое право на ее организацию.

Зимняя олимпиада 1964 года является юбилейной. Сорок лет назад она была проведена впервые на французском зимнем курорте Шамони. Тогда в играх участвовало около 200 спортсменов, теперь число участников перевалило за тысячу. Да, IX Белая олимпиада обещает стать самой представительной. Так, например, команда США будет насчитывать около 150 спортсменов, но по числу своих участников явно превосходит всех одна команда — журналистская. В Инсбруке аккредитовано около тысячи представителей печати, радио, телевидения и кино. Интересно, что игры намерены освещать даже такие страны, которые не участвуют в зимней олимпиаде.

Для обслуживания корреспондентов создан пресс-центр. Он расположен в здании химического института. Толстые пучки проводов тянутся к местам соревнований, расположенных друг от друга порой на десятки километров. Чтобы ускорить обработку данных о ходе соревнований, придется прибегнуть к помощи электронной машины. Она быстро обобщит текущие сводки, проверит их по картотеке и сообщит на места соревнований. Корреспондент будет в курсе хода борьбы, где бы он ни находился: на катке в центре города или же на гонках в Зеефельде, что расположен в 20 километрах от Инсбрука.

Между агентствами и органами печати идет постоянная борьба за то, чтобы быстрее поведать миру о новом рекорде или о какой-нибудь сенсации. Такая оперативность иногда переходит в поспешность и вызывает досадные опечатки. В 1956 году, например, корреспондент одной французской газеты, увидев, что финский конькобежец Салонен установил новый мировой рекорд в беге на 1 500 метров (2 минуты 9,4 секунды), передал, что финн стал олимпийским чемпионом, и спокойно поехал в гостиницу. Оказалось, что эта дистанция дала двух олимпийских чемпионов — Евгения Гришина и Юрия Михайлова, — показавших одинаковое время — 2 минуты 8,6 секунды. Финну же досталась только бронзовая медаль.

Повышенный интерес к Олимпийским играм со стороны читателей заставляет агентства бросать корреспондентов, словно лазутчиков, на добывание олимпийских новостей. Как снежная лавина, устремившись вниз, вовлекает в свой поток все, что попадается на ее пути, так интерес к олимпиадам охватывает весь спортивный мир. Город олимпиады собирает тысячи туристов из разных стран. Кое-кто из них едет не столько за тем, чтобы посмотреть игры, сколько себя показать. Немецкая принцесса фон Фюрстенберг в 1956 году не получила пропуск на свой автомобиль, но отказалась ехать в общем автобусе и прибыла на открытие игр в молочном фургоне. Чего не сделаешь ради рекламы!

Но, конечно, не эти анекдотические случаи характерны для олимпиад.

В 1960 году мир облетел снимок: Евгений Гришин вручает сувенир американской фигуристке Кэрол Хейсс. Газеты рассказали тогда и о том, как советские спортсменки учили молодых американок искусству скоростного бега на коньках. Имя одной из них мы услышали этой зимой: Дженни Эшуорт показала лучшее в мире достижение в беге на 500 метров — 44,4 секунды. Неплохая ученица!

На эмблеме IX зимних игр изображен герб города: мост, вверху — переплетенные олимпийские кольца, а снизу овалом идет надпись: «Инсбрук 1964». Эмблема имеет определенный символический смысл. Как известно, Инсбрук возник из небольшого поселения у моста через реку Инн. Это и дало название городу. Инсбрук — мост через Инн (Инн — название реки, «брюкке» — «мост»). Теперь Инсбрук стал мостом взаимопонимания между спортсменами. Скоро столица Тироля станет на 12 дней столицей мирового спорта.

ИНТЕРВЬЮ Ф

Вл. МОРЕВ **Памфлет** **Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.**

Узкая автомобильная дорога, ведущая к особняку сенатора Молдуотера, забита автомобилями. Сто корреспондентов и фоторепортеров выстроились на узком асфальтированном дворе у каменного барьера. Уже полчаса они держат поднятыми вверх затекшие руки. На репортеров направлены дула сорока винтовок (Манлихер-Каркано, калибр 6,5 мм), автоматов и даже двух базук. Сорок охранников, разместившихся на крыше особняка, за каменным забором и в кустах, прильнули к оптическим прицелам четырехкратного усиления.

Из дому выходит здоровенный детина. Явно любуясь зрелищем, он удовлетворенно крякает.

— Эй, вы! Сейчас к вам выйдет наш фю... то бишь генерал, то бишь сенатор. Он сделает важное сообщение. Предупреждаю: обе руки должны быть либо на блокнотах, либо на фотоаппарате. Упаси бог кого-нибудь опустить руку в карман: наши парни попадают в горло пониже адамова яблока с девяноста ярдов, даже если прези... де... виноват... журналист движется в автомобиле со скоростью двадцати ярдов в секунду.

Зашипел магнитофон. Раздались звуки гимна. На флагшток пополз звездно-полосатый флаг.

На крыльце появился генерал-сенатор. Он шел короткими шажками, не сгибая спины, вытянув голову вперед.

— Товсь!..— прозвучала короткая команда.

Лязгнули сорок затворов. Сорок пуль вытянули острые рыльца в сторону журналистов.

— Боже,— пробормотал один из репортеров.— Если бы так охраняли покойного президента!

— Здравствуйте, джентльмены. Вы можете опустить руки, чтобы записать мое заявление для прессы и радио.

На тайном совещании, состоявшемся сегодня, мне было приказано добиваться выдвижения моей кандидатуры в президенты от партии Слона. На организацию избирательной кампании пойдут доходы, полученные нашим главным покровителем в течение трех последних недель прошлого года и первых пяти недель нового. А теперь можете задавать мне вопросы.

— Мой фю... мой генерал-сенатор, когда будет опубликована ваша программа?

— Советники техасских нефтекомпаний и ракетно-атомных монополий, поддерживающих меня, заняты сейчас анализом своих годовых балансов. К разработке программы они смогут приступить не раньше пасхи. Но вам, разумеется, уже знакомы мои общие политические установки. Они разработаны теми же советниками.

— Генерал, в чем суть вашего мировоззрения?

— Я не философ. Ум у меня далеко не первоклассный. Я лишь торгую консерватизмом.

— Нам представляется, что президент должен быть не только администратором, но и духовным лидером американцев.

— Ничем не могу помочь. Моя сестра уже сообщила вам, журналистам, что за всю свою юность я не прочитал ни одной книги. В своем сенатском офисе я раскрываю только «Уолл-стрит джорнэл». Однако я прочитал книгу Г. Кана «Термоядерная война». Хотя это, разумеется, всего лишь пособие для начинающих. Его разработала «Корпорация Рэнд» — электронный мозг Пентагона.

— Но как же вы написали две книги, вышедшие под вашим именем?

— Проще простого. Моя сенатская контора кишит авторами-призраками. Они составляют неотъемлемую часть американской политической жизни. Они и пишут книги для меня и за меня. Мой старый друг Бэдегг строчит статьи, выходящие за моей подписью в 170 газетах страны под рубрикой «А какова ваша позиция, сэр?».

— А какова ваша позиция, сэр?

— Она не отличается от позиции Бэдегга. А та как две капли воды схожа с позицией ракетно-ядерных и нефтяных фирм.

Панамские студенты показывают президенту страны Роберто Чиари национальный флаг, который американцы сорвали со здания школы в Бальбоа.

Штыки против патриотов.

Демонстрация студентов у границы зоны канала. Надпись на плакате гласит: «Панама не протекторат — это свободная страна».

Фото ЮПИ.

ПЛАМЯ, КОТОРОЕ НЕ ГАСНЕТ

Полоса шириной в десять миль — кусок земли, вырезанный из живого тела страны,— рассекает Панаму на две части. По этой полосе проходит Панамский канал. Зона канала оккупирована американскими войсками. Шестьдесят лет назад США утвердились здесь и по праву сильного продолжают по сей день сохранять свое господство над этой частью панамской территории. И шестьдесят лет не прекращается борьба панамцев за законное право быть хозяевами своей земли.

В 1960 году американские империалисты сделали уступку национальным чувствам панамцев: было установлено, что американский флаг в зоне канала может быть вывешен лишь вместе с национальным флагом Панамы. Но 9 января на здании школы в Бальбоа появился только американский флаг. Возмущенные панамские студенты устроили демонстрацию протеста. Против демонстрантов были применены слезоточивые газы и оружие. Несколько дней продолжалась кровавая расправа с патриотами. Американские войска, расположенные в Панаме, убили более двадцати человек и ранили более трехсот. Панама разорвала дипломатические отношения с Соединенными Штатами и потребовала пересмотра договора о канале. Панамское правительство обратилось в Совет Безопасности с жалобой на агрессию США.

Новое преступление американского империализма вновь всколыхнуло всю Латинскую Америку, вызвало осуждение всех честных людей на земле. Миру известно, что США, извлекая многомиллионные прибыли из эксплуатации Панамского канала, в то же время грабят маленькую страну, обрекают ее на экономический застой, на нищету. Симпатии народов — на стороне Панамы, ее народа, отважно бросившего вызов империалистам США.

События последних дней в маленькой стране Центральной Америки свидетельствуют, что пламя борьбы народов за свою свободу не гаснет. Чем бы ни кончились эти события, они показали волю народов продолжать эту борьбу, их веру в окончательную победу.

ЮРЕРА

— Американцы недовольны той куцей системой социального страхования, которой они добивались десятилетиями долгой, тяжелой борьбы. Что вы думаете об этом?

— Социальное страхование — это ползучий социализм. Его надо ликвидировать.

— В ноябре число безработных в стране возросло на полмиллиона. Что вы предлагаете?

— Пусть просят подаяния. Я четыре раза голосовал в сенате против законопроекта о помощи районам экономического бедствия в нашей стране.

— Государственная медицинская помощь престарелым?

— Ни к чему. Сами должны о себе позаботиться.

— Профсоюзы недовольны урезыванием их прав в послевоенное время.

— Хватит. Разбаловали. Пора покончить с рабочим движением.

— Негры?

— Пусть ими занимаются власти штатов. Вверим их судьбу губернатору Уоллесу и обер-псарю Коннору из Бирмингема.

— Средние и мелкие фермеры?

— Пусть себе разоряются. В добрый час.

— Вы выступаете, фю... генерал-сенатор, за снижение налогов на доходы. Значит, вы за снижение военных расходов?

— Ни в коем случае! Пентагон должен получать все, что он требует, до последнего цента. Ему надо давать все больше и больше. Что касается налогов, то подоходную форму обложения надо заменить новыми налогами на потребительские товары. Тогда и миллионер и рабочий, покупая ботинки, будут платить казначейству одну и ту же сумму. Так мы достигнем подлинного равенства.

— Говорят, вы предлагали сокращение государственного бюджета. За счет Пентагона?

— Нет, и тысячу раз нет! За счет ассигнований на культурные и социальные нужды.

— Но ведь эти ассигнования и без того мизерны.

— Их надо вообще ликвидировать.

— Что вы считаете главным фактором в нашей экономике?

— Гонку вооружений. В основе нынешнего бума лежат военные ассигнования... До войны у нас, Молдуотеров, был один небольшой магазин в Скаттербрэйне. Теперь их у нас много. Но перейдем к международным делам.

— Почему вы отстаиваете обанкротившуюся стратегию «грани войны»?

— Только энергичное использование силы может дать надежду.

— Что еще вы предлагаете в области международных отношений?

— О, массу новинок! Уход из ООН, если в ней получат признания права Китая. Отказ от Московского договора. Разрыв дипломатических отношений с СССР, если он окажется несговорчивым в переговорах. Устранение коммунистов всюду, где они находятся у власти.

— Но этого уже пытался добиться Адольф Шикльгрубер, более известный под скандальной кличкой «Гитлер». Вы помните, чем все это кончилось?

— Гмм... гммм. Интервью окончено.

— Одну минутку, сенатор. Вы просите не смешивать вас с ультраправыми и «фашистами типа Рокуэлла и его нацистов». Но в чем же различие между вашей программой и программой ультраправых?

Один из журналистов, видимо, забыв о строгих правилах интервью, опустил было руку в карман за носовым платком. Резко щелкнул выстрел. Схватившись за горло, журналист рухнул замертво.

Пуля угодила под адамово яблоко.

Помощник шерифа — здоровенный детина, инструктировавший журналистов, подойдя к несчастному, носком расшитого ковбойского сапога перевернул труп и хладнокровно констатировал:

— Оправданная самооборона.

Затем он подошел к стрелявшему, подтащил его поближе к телевизионной камере, упер ему в бок пистолет и нажал спусковой крючок. Столкнув ногой оба трупа под откос, он повернулся к журналистам:

— Вы свободны, джентльмены. Выходить по одному. Руки заложить за голову.

ЗАЯЦ В ДЕТСТВЕ НЕ ТРУСЛИВ

Этому зайчонку-беляку идет первый день жизни, но он вполне самостоятелен.

Вес зайчонка вместе с выпитым молоком — 130 граммов. Рассерженный процедурой взвешивания, он храбро набросился на лежащий на земле фотоаппарат и пробарабанил по нему передними лапками. Не каждый решится в первый день жизни на такой отчаянный шаг...

В. ТЕЛЕГИН

Новосибирск.

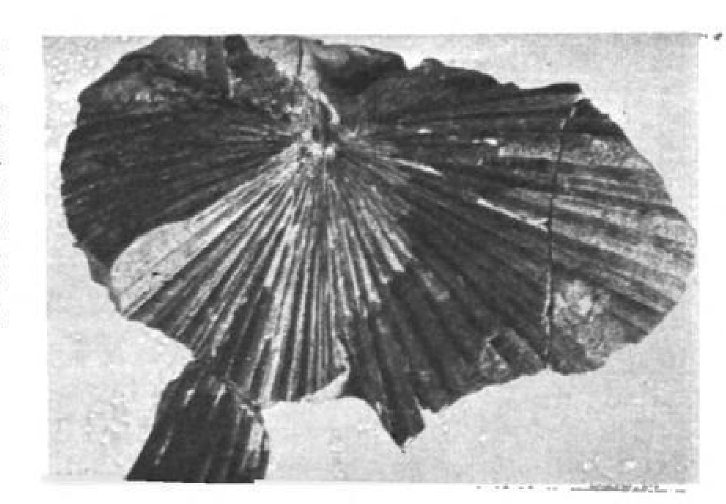
ЛЕСУ 30 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

В Грузии, в районе Годердзиского перевала, есть каменный лес. Примерно 30 миллионов лет назад лес был погребен под слоем вулканического пепла. До нас этот лес сохранился в виде больших обломков стволов и пней. Годердзиский лес — самое крупное месторождение ископаемых древесин в Советском Союзе. Многие палеоботаники и геологи побывали там и собрали интересные коллекции. Вместе со стволами на Годердзиском перевале обнаружено и огромное количество отпечатков листьев. Среди них выделяется отпечаток огромного листа веерной пальмы, найденный профессором А. Л. Тахтаджяном во время экспедиции в 1957 году. Этот образец уникальный.

На основании этих находок ученые-палеоботаники установили, что когда-то здесь была пышная растительность влажных субтропиков с пальмами, лаврами и другими теплолюбивыми растениями.

Ископаемые древесины Годердзиского леса интересны и с другой точки зрения: все они окремненные и имеют очень красивую окраску, а потому с успехом могут быть использованы для различных поделок.

И. ШИЛКИНА, палеоботаник

На снимке: отпечаток листа веерной пальмы.

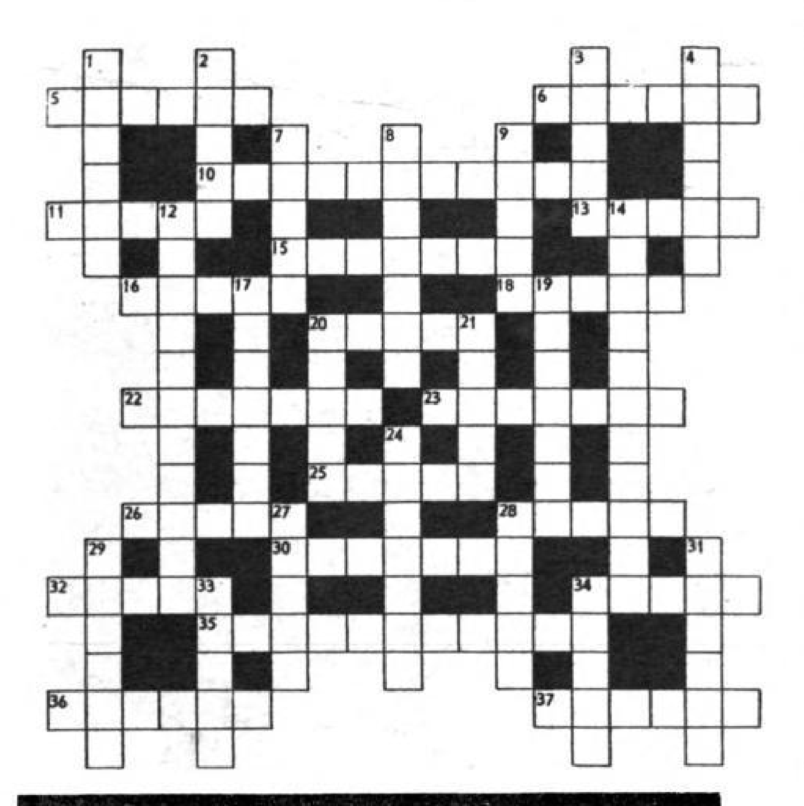

Вышел из печати и рассылается подписчикам первый том девятитомного собрания сочинений А. И. Куприна в литературном приложении к журналу «Огонек».

Вступительную статью к собранию сочинений написал К. И. Чуковский, близко знавший писателя. Цветные и тоновые иллюстрации в томе выполнены художником П. Н. Пинкисевичем.

В первый том вошли произведения 1889—1896 годов: «Последний дебют», «Впотьмах», «Лунной ночью», «Дознание», «Славянская душа», «Аль-Исса», «Куст сирени», «Негласная ревизия», «К славе», «На разъезде», «Воробей», «В зверинце», «Игрушка», «Столетник», «Просительница», «Картина», «Страшная минута», «Мясо», «Без заглавия», «Ночлег», «Миллионер», «Лолли», «Пиратка», «Святая любовь», «Жизнь», «Локон», «Странный случай», «Бонза», «Ужас», «Полубог», «Наталья Давыдовна», «Собачье счастье», «На реке», «Блаженный», «Сказка», «Кляча», «Чужой хлеб», «Друзья», «Марианна». Примечания к тому составлены Н. А. Питляр.

В девятитомное собрание сочинений будет включено около шестидесяти произведений писателя, не входивших в предыдущее собрание сочинений Гослитиздата. Иллюстрации будут выполнены художниками П. Н. Пинкисевичем и И. С. Глазуновым. Собрание сочинений выходит под наблюдением Э. М. Ротштейна и П. Л. Вячеславова. Девять томов собрания выйдут за четыре с половиной месяца; последний том будет разослан подписчикам в мае этого года. А затем подписчики начнут получать пятнадцатитомное собрание сочинений Герберта Уэллса.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Советский металлург, академик. 6. Толстая бумага. 10. Цирковой артист. 11. Приток Камы. 13. Сборник географических карт. 15. Роман В. Скотта. 16. Бахчевая культура. 18. Вид искусства. 20. Печатное произведение. 22. Народный художник СССР. 23. Устаревший способ землепользования. 25. Объявление о спектакле. 26. Привал. 28. Литературный жанр. 30. Государство в Пиренеях. 32. Питательный напиток. 34. Городской сад. 35. Промышленный центр Башкирской АССР. 36. Цветок. 37. Место стоянки судов.

По вертикали:

1. Немецкий шахматист. 2. Черта, узкая полоса. 3. Русская игра. 4. Французский писатель. 7. Твердый минерал. 8. Сплав с большим электрическим сопротивлением. 9. Летчик. 12. Система приемов возделывания сельскохозяйственных растений. 14. Геометрическая фигура. 17. Горный хребет на Урале. 19. Часть радиоустановки. 20. Лесная птица. 21. Героиня повести А. И. Герцена «Сорока-воровка». 24. Наборная машина. 27. Резной камень. 28. Русский зодчий XVI века. 29. Ураган. 31. Промысловая рыба. 33. Химический элемент. 34. Помещение для хранения товаров.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 3

По горизонтали:

7. Дагестан. 8. Ласточка. 9. Грамм. 11. Корма. 12. Партитура. 13. Маятник. 15. «Обломов». 17. Андижан. 20. Токарь. 21. Пырьев. 24. Бабадаг. 27. Реклама. 29. Анадырь. 31. Факультет. 32. Колер. 33. Аршин. 34. «Ровесник». 35. Пирометр.

По вертикали:

1. Фабрикат. 2. Сегмент. 3. Байдарка. 4. Камертон. 5. Коломбо. 6. Скоморох. 10. Шишкин. 14. Ножовка. 16. Легенда. 18. Нерпа. 19. Адыча. 22. Щавель. 23. Черномор. 24. Багажник. 25. Галечник. 26. «Травиата». 28. Лотерея. 30. Диорама.

На последней странице обложки: Снег идет.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00507. Подписано к печати 15/I 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 990 000. Изд. № 5. Заказ № 66.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Некоторые, взглянув на фото, скажут: «Смотрите-ка, вот так «молодая» эстрада! Ведь здесь опять Гаркави!..» Но на этот раз я выступаю не в своей постоянной роли конферансье, а просто в качестве некоего доброжелателя, представляющего публике молодых. Хватит уж упреков, что, мол, выступают на эстраде все одни и те же; нет, мол, новых номеров...

Сейчас на страницах «Огонька» читатели увидят только новые имена и новые фамилии. Вот они.

Молодая эстрада

М. ГАРКАВИ

Фото Дм. Бальтерманца

◀ В эстраду Вл. Шубарин пришел недавно из военного ансамбля, принеся с собой блестящую технику и хорошую артистическую фантазию.

Молодая балетная пара — Е. Резгольц и К. Паперный — обладает непринужденностью и юмором. ▶

Художественный руководитель Театра миниатюр — В. Поляков.

В пародийной сценке «Хамелеон» выступают артисты Зиновий Высоковский (он же автор текста) и Ольга Вахмистрова.

СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ

Театр этот, наверное, самый миниатюрный; он так и называется: Московский новый театр миниатюр. Представлены же в нем самые различные виды театрального действа: балет, драма, опера, эстрада.

Творческому руководителю театра Владимиру Полякову удается убедить зрителей в старой истине, что смех — дело важное и нужное. Первые же номера, вызывающие улыбки и смех в зале, утверждают всех в радостной мысли, что перед ними — театр веселый.

Те недостатки, которые еще встречаются в жизни, театр разоблачает веселым смехом.

И в этом его главное достоинство.

Если чего и остается желать энергичному молодому коллективу — так более зрелого репертуара, высокой гражданственной мысли.

Монолог «Девушка пришла на танцы» — так и называется этот номер. Артистка Марина Полбенцева передает верную мысль о необходимости воспитания тех, кто похож на ее героиню.

